

A close-up photograph of a woman with voluminous, wavy brown hair and striking, bright blue eyes. She is holding a dark brown, textured book in front of her face, with only her eyes and the top of her head visible. The book is the central focus, and its cover features the title and author information in white and blue text.

Трумен Капоте

ДОРОГИ,
ВЕДУЩИЕ
В ЭДЕМ

Полное
собрание
рассказов

Я так рад, что снова могу писать рассказы.
Именно эта литературная форма —
моя величайшая любовь.

Трумен Капоте

Азбука-бестселлер

Трумен Капоте

**Дороги, ведущие в Эдем.
Полное собрание рассказов**

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Капоте Т.

Дороги, ведущие в Эдем. Полное собрание рассказов /
Т. Капоте — «Азбука-Аттикус», 2004 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-22152-9

Трумен Капоте, автор таких бестселлеров, как «Голоса травы», «Хладнокровное убийство» и «Завтрак у Тиффани» (самое знаменитое произведение Капоте, прославленное в 1961 году экранизацией с Одри Хепберн в главной роли), входит в число крупнейших американских прозаиков XX века. Многие, и сам Капоте в том числе, полагали, что именно в рассказах он максимально раскрылся как стилист («Именно эта литературная форма – моя величайшая любовь», – говорил он). В данной книге вашему вниманию предлагается полное собрание короткой прозы выдающегося мастера.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-22152-9

© Капоте Т., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Такие холодные стены	6
Шуба из настоящей норки	10
Положение вещей	14
Бутыль серебра	17
Мириам	27
Я тоже не промах	35
Суеверие Причера	42
Дерево ночи	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Трумен Капоте

Дороги, ведущие в Эдем

Truman Capote
The Complete Stories of Truman Capote

- © О. А. Алякринский, перевод, 2015
 - © В. О. Бабков, перевод, 1999
 - © В. П. Гольшев, перевод, 2007
 - © Г. М. Дашевский (наследники), перевод, 2001
 - © Е. Ю. Калявина, перевод, 2015
 - © Р. Е. Облонская (наследники), перевод, 1968
 - © Е. С. Петрова, перевод, 2015
 - © И. С. Стам, перевод, 2001
 - © Е. А. Суриц (наследники), перевод, 2001
 - © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
- Издательство АЗБУКА®

* * *

Такие холодные стены

(1943)

– ...А Грант им просто сказал: пойдёте с нами на классную вечеринку. Вот так все и получилось. По-моему, он это гениально придумал – привести их сюда. Бог его знает, может быть, хоть они смогут поднять нас из гроба!

Рассказывая, девушка стряхнула пепел с сигареты на персидский ковер и тут же бросила виноватый взгляд на хозяйку квартиры.

Та расправила складки на элегантном черном платье и нервно скривила губы. Она была молоденькая, маленькая, просто безупречная. Ее бледное личико обрамляли гладкие черные волосы, а губная помада была чересчур темной. Шел уже третий час ночи, она очень устала и мечтала, чтобы все поскорее ушли, но как же трудно избавиться от тридцати гостей, особенно если большинство из них изрядно накачались папиным виски. Лифтер уже дважды звонил в дверь и говорил, что соседи жалуются на шум, и тогда она налила ему хайболл – за этим он, собственно, и приходил. А теперь еще эти морячки... Ну их всех к чертям!

– Да не бери в голову, Милдред, все нормально. Моряком больше, моряком меньше... Господи, надеюсь, они тут ничего не расколотят. И вот что, сходи на кухню и посмотри, хватит ли нам льда. Постараюсь оказать твоим новым друзьям радушный прием.

– Ты за них не беспокойся, дорогая. Насколько я поняла, они быстро осваиваются в незнакомой обстановке.

Хозяйка квартиры направилась к непрошеным гостям. Они тесной группкой лепились в углу гостиной, молча озирались по сторонам и явно чувствовали себя не в своей тарелке.

Самый симпатичный из шестерых, нервно комкая в руке белую бескозырку, сказал:

– Мы и не знали, мисс, что вы гостей принимаете. Ну то есть... мы тут лишние, да?

– Ерунда! Никакие вы не лишние! Если бы вам здесь были не рады, разве я бы вас впустила?

Но моряк все еще смущался:

– Эта девушка... Милдред... и ее друг случайно встретили нас в баре, мы даже не думали, что они потащат нас в такой дом...

– Смешно, ей-богу! Просто смешно! – сказала хозяйка дома. – А ты с Юга, да?

Моряк сунул бескозырку под мышку и, похоже, перестал смущаться:

– Сам я с Миссисипи. Навряд ли вы там бывали, мисс.

Она отвернулась к окну и облизнула губы кончиком языка. Как же она устала от всего этого!

– Бывала, – солгала она. – Живописный штат.

Моряк усмехнулся:

– Вы, верно, спутали его с каким-то другим штатом, мисс. В Миссисипи-то и смотреть не на что. Ну разве что около Натчеза...

– Ах, ну конечно, Натчез! Я в школе училась с девочкой из Натчеза. Элизабет Кимберли. Ты ее не знаешь?

– Нет, мисс. Это вряд ли.

Она вдруг поймала себя на мысли, что осталась с ним наедине. Остальные его приятели уже столпились у пианино, за которым сидел Лес и наигрывал мелодии Портера. А Милдред оказалась права: моряки быстро освоились.

– Пошли, налью тебе выпить. Твои друзья сами о себе позаботятся. Да, и хватит называть меня «мисс». Я Луиза.

– Мою сестру звать Луиза. А я Джейк.

– Что ты говоришь! Как прелестно! Я про совпадение... – Она пригладила волосы, и ее накрашенные слишком темной помадой губы изобразили улыбку.

Она повела его в папину библиотеку и все время чувствовала на себе его взгляд, прикованный к платью, тесно облегающему ее бедра. Она пригнулась и проскользнула в дверцу под барной стойкой.

– Итак, что же тебе предложить... Я и забыла: у нас есть шотландский виски, ржаной и ром. Как насчет рома с кока-колой?

– Как скажете, – ухмыльнулся моряк, погладив ладонью зеркальную поверхность стойки. – А знаете, я раньше никогда не был в таком шикарном доме. Тут у вас прямо как в кино.

Она бросила кубики льда в стакан и ловко размешала их коктейльной палочкой.

– Если хочешь, могу устроить платную экскурсию по квартире. Она небольшая. А еще есть загородный дом – вот он большущий!

Как-то не так это прозвучало. Слишком хвастливо. Она отвернулась поставить бутылку рома на место и, взглянув в зеркало, заметила, что он пристально смотрит на нее – или видит ее насквозь?

– Сколько вам лет? – спросил моряк.

Она на минуту задумалась – действительно задумалась. Она так часто врала про свой возраст, что иногда забывала, сколько же ей на самом деле. Но какая разница, узнает он ее настоящий возраст или нет? И она ответила:

– Шестнадцать.

– И вас никто еще ни разу не целовал?

Она рассмеялась – но ее рассмешил не его банальный вопрос, а собственный ответ:

– Хочешь сказать, не насиловал?

Она глядела ему прямо в глаза: сначала он ступешался, потом развеселился, а затем подумал кое о чем другом.

– О боже! Ну не смотри ты на меня так! Я вовсе не дрянная девчонка.

Тут он покраснел, а она, пригнувшись, вылезла из-под барной стойки и взяла его за руку:

– Пошли! Покажу квартиру.

Она повела моряка по длинным коридорам, мимо зеркал, и стала показывать комнаты одну за другой. Ему очень понравились мягкие ковры в пастельных тонах и неброское сочетание новомодной и старинной мебели.

– А это моя комната, – объявила она, придерживая для него дверь. – Не обращай внимания на беспорядок, я не виновата, тут многие девчонки похозяйничали.

Но предупреждение казалось излишним: в комнате царил идеальный порядок. Кровать, столы и лампы были белые, а стены и ковер – холодного темно-зеленого цвета.

– Ну что скажешь, Джейк... подходит мне?

– Я раньше ничего подобного не видел. Моя сестра ни за что не поверит, если я ей расскажу... А вот стены мне ваши не нравятся, простите уж, что говорю... какие-то зеленые... такие холодные...

Она озадаченно посмотрела на него, потом протянула руку и дотронулась до стены над туалетным столиком:

– Ты прав. Насчет стен. Они холодные.

Она подняла на него взгляд: на мгновение ее лицо исказилось – и он не понял, то ли она сейчас расплачется, то ли рассмеется.

– Ну, я не то хотел сказать. Черт, я и сам не знаю, что хотел сказать!

– Правда? Или мы просто изъясняемся эвфемизмами?

Он явно ее не понял, поэтому она присела на краешек белой кровати.

– Вот, сядь сюда и покури. А где твой стакан?

Он сел рядом.

– Я его оставил на барной стойке. Здесь у вас тихо – не то что в большой комнате, там такой гвалт стоит...

– Ты давно на флоте?

– Восемь месяцев.

– Нравится?

– А кого интересует, нравится или нет... Я уже побывал много где, куда сам никогда бы не попал...

– Тогда зачем пошел служить?

– Да я и так ждал призывную повестку и решил, что на флоте мне больше понравится.

– И как?

– Ну, я же сказал, такая жизнь не по мне. Не люблю, когда мной командуют все, кому не лень. Вам бы понравилось?

Она не ответила и молча зажала губами сигарету. Он зажег спичку и поднес к сигарете, а она как бы невзначай дотронулась до его руки. Рука чуть дрожала, и пламя подрагивало. Она затаилась и спросила:

– Хочешь меня поцеловать?

Она пристально наблюдала за ним и сразу заметила, как его лицо залилось краской.

– Нет? Почему же?

– Ну, вы же не такого рода девушка. Я бы побоялся целовать такую, как вы. И, кроме того, вы же просто потешаетесь надо мной.

Она рассмеялась и выпустила в потолок облачко дыма.

– Перестань! Говоришь как персонаж дешевой мелодрамы. Что значит «не такого рода девушка»? Просто фигура речи. И совсем не важно, поцелуешь ты меня или нет. Могла бы объяснить, но зачем! Скорее всего, потом ты еще решишь, будто я нимфоманка.

– Я даже не знаю, что это...

– Черт, вот и я о том же! Ты мужик, настоящий мужик, а меня тошнит от этих слабаков, этих женоподобных мальчиков вроде Леса. Мне просто хотелось узнать, как это бывает, вот и все.

Он склонился к ней:

– Ты забавная девчушка! – И в тот же миг она оказалась в его объятиях.

Он поцеловал ее в губы, а его рука скользнула по ее плечу и легла ей на грудь. Она извернулась и так сильно оттолкнула его от себя, что он распластался на холодном зеленом ковре.

Она вскочила с кровати и встала над ним. Они молча смотрели друг на друга. У него был испуганно-непонимающий взгляд.

– Ты похабник, – произнесла она и влепила ему пощечину.

Она распахнула дверь, замерла на секунду, расправила платье и вернулась к гостям. Он еще какое-то время сидел на полу, потом встал и нашел дорогу в прихожую. Тут он вспомнил, что забыл бескозырку в белой комнате, но ему было плевать и просто хотелось поскорее отсюда убраться.

Хозяйка квартиры заглянула в гостиную и жестом попросила Милдред выйти в коридор.

– Ради бога, Милдред, выгони этих парней... Морячки! Они возомнили, что тут флотский клуб?

– Да что с тобой такое? Этот парень приставал к тебе?

– Нет-нет, он обычный провинциальный олух: впервые в жизни попал в приличный дом и сильно впечатлился по этому поводу. Очередной зануда, от которого у меня жутко разболелась голова. Выпроводи их, пожалуйста... всех!

Милдред кивнула, а хозяйка квартиры дошла по длинному коридору до комнаты матери. Войдя, она прилегла на бархатный шезлонг и устала на абстрактное полотно Пикассо.

Потом взяла крошечную кружевную подушечку и крепко-крепко прижала ее к лицу. Ночевать сегодня она решила здесь, где стены были нежно-розового цвета и такие теплые.

Перевод О. Алякринского

Шуба из настоящей норки

(1944)

Миссис Мансон закрепила наконец парусиновую розочку на своих рыже-каштановых волосах и отступила на шаг от зеркала, чтобы оценить результат. Потом провела ладонями по бедрам... Платье было чуть узковато, но в целом сидело неплохо.

«Перешивать больше нет смысла – все равно его уже не спасти!» – подумала она с досадой, бросила на свое отражение последний критический взгляд, отвернулась от зеркала и пошла в гостиную.

Окна были распахнуты настежь, и в комнату врывались истошные крики с улицы. Миссис Мансон жила на третьем этаже, и прямо напротив дома находилась школьная игровая площадка. К вечеру галдеж становился просто невыносимым. Господи, знать бы заранее, что здесь будет так шумно, она бы ни за что не сняла эту квартиру. Сердито бурча себе под нос, она плотно закрыла оба окна. Ее бы воля – она бы их вообще не открывала!

Но миссис Мансон была слишком взволнована, чтобы сердиться по-настоящему. Ведь сегодня она встретится с Вини Рондо! Только представьте: сама Вини Рондо пожалует к ней в гости! Стоило об этом подумать, как у нее мурашки начинали бегать по коже. Они не виделись уже почти пять лет, и все эти годы Вини прожила в Европе. Когда кто-то из знакомых начал обсуждать войну, миссис Мансон неизменно заявляла: «А знаете, одна моя очень близкая подруга – Вини Рондо – сейчас в Париже, и она своими глазами видела, как в город вошли немцы! Я просто с ума схожу, когда думаю, какие испытания выпали на ее долю!»

Она говорила так, будто на карту была поставлена ее собственная судьба.

Если же среди ее собеседников оказывались люди, не знавшие, кто такая Вини Рондо, она считала своим долгом рассказать про подругу.

– Дело в том, – говорила она, – что Вини была очень талантлива, ее интересовало искусство и все такое возвышенное... Деньги у нее водились всегда, и она по меньшей мере раз в год ездила в Европу. А после смерти отца она собралась и уехала туда насовсем. Боже... там у нее случился бурный роман, и она вышла замуж то ли за графа, то ли за барона... в общем, за кого-то в таком духе. Возможно, вы читали про нее в светской хронике? Вини Рондо... Чолли Никербокер постоянно упоминал о ней в своей колонке...

И ее рассказ лился нескончаемым потоком, словно древняя сага.

«Итак, Вини вернулась в Америку», – подумала она и покачала головой, словно не верила в это чудо. Она взбила зеленые подушечки на кушетке и присела. Потом придирчиво оглядела комнату. Как странно: пока кто-то не соберется к тебе в гости, даже не замечаешь окружающих тебя вещей. Ну что ж, вздохнула миссис Мансон не без удовольствия, новенькая уборщица оказалась такой же прилежной, как те, кого я нанимала до войны, – а это по нынешним временам редкость.

В дверь коротко позвонили. Потом еще два раза, но миссис Мансон не шевельнулась – так была взволнована. Наконец, собравшись с духом, пошла открывать.

В первый момент она не узнала стоящую перед ней женщину. Та не поразила ее привычной умопомрачительной укладкой, – наоборот, ее волосы висели как пакля, и их явно сегодня не расчесывали. Что, хлопчатобумажное платье в январе? Миссис Мансон произнесла, пытаясь скрыть нотки разочарования:

– Вини, дорогая! Ты совсем не изменилась!

Женщина все еще стояла в дверях. Под мышкой она держала большую розовую коробку, и ее серые глаза с любопытством разглядывали хозяйку квартиры.

– Правда, Берта? – Почему-то она говорила вполголоса. – Мило, очень мило. И я тебя сразу узнала, хотя ты что-то сильно располнела, да?

Потом она пожала протянутую руку и переступила через порог.

Миссис Мансон была смущена и не знала, что сказать. Держась за руки, они вошли в гостиную и сели на кушетку.

– Может, хересу?

Вини мотнула темноволосяй головкой:

– Нет, спасибо.

– Могу предложить виски! – в отчаянии взмолилась миссис Мансон.

Тихо пробили стоящие на полке декоративного камина часы в форме статуэтки. Миссис Мансон раньше не замечала, какой у них звучный бой.

– Нет, – твердо ответила Вини. – Ничего не надо, спасибо.

Миссис Мансон не стала настаивать и уселась поудобнее.

– Ну тогда, дорогая, рассказывай все с самого начала. Когда ты вернулась в Штаты? – Ей нравилось, как звучит это короткое слово, «Штаты».

Вини поставила розовую коробку между ног и сложила руки на коленях.

– Я здесь уже почти год. – Она умолкла и, заметив недоумевающее лицо хозяйки, торопливо продолжила: – Но не в Нью-Йорке. Естественно, я бы с тобой связалась раньше, но просто я была в Калифорнии.

– О, Калифорния! Я люблю Калифорнию! – воскликнула миссис Мансон, хотя, по правде говоря, она никогда не была дальше Чикаго.

Вини улыбнулась, и миссис Мансон сразу заметила ее неровные зубы, которые не помешало бы хорошенько почистить.

– Ну и вот, – продолжала Вини, – на прошлой неделе я вернулась в Нью-Йорк и сразу же подумала о тебе. Я еле нашла твой телефон, потому что никак не могла вспомнить имя твоего мужа...

– Альберт, – зачем-то вставила миссис Мансон.

– ...но потом все-таки нашла, и вот я здесь! И знаешь, Берта, я о тебе вспомнила, как только решила продать свою норковую шубу.

Миссис Мансон заметила, как лицо Вини вдруг стало пунцовым.

– Норковую шубу?

– Да! – кивнула Вини, приподнимая розовую коробку. – Ты же помнишь мою норковую шубу? Она тебе всегда нравилась. Ты говорила, что это самая красивая шуба на свете.

И она принялась развязывать потертую шелковую ленточку, которой была перетянута коробка.

– Ну конечно же, конечно! – воскликнула миссис Мансон, произнеся нараспев слово «конечно».

– Я спросила себя: Вини Рондо, зачем тебе эта шуба? Не лучше ли предложить ее Берте? Дело в том, Берта, что в Париже я купила потрясающих соболей! Ты же понимаешь, мне не нужны две меховые шубы! К тому же у меня еще есть жакет из чернобурки!

Глядя, как, раскрыв коробку, Вини шуршит оберточной бумагой, миссис Мансон заметила облезший лак на ее ногтях и пальцы без единого кольца – и вдруг сразу все поняла.

– Вот я о тебе и подумала... Но если ты не захочешь купить, я ее, пожалуй, оставлю, потому что мне неприятно думать, что она попадет в чужие руки...

Вини взяла шубу за плечи и, встав с кушетки, принялась вертеть ею из стороны в сторону. Это была красивая шуба. Гладкий мех богато переливался. Миссис Мансон потянулась к шубе и провела кончиками пальцев снизу вверх, взерошив тончайший ворс. У нее невольно вырвалось:

– Сколько?

Она сразу отдернула руку, точно дотронулась до раскаленной сковороды, и тут же услышала тихий усталый голос Вини:

– Я заплатила за нее около тысячи. Тысяча для тебя не слишком дорого?

С улицы доносились вопли беснующихся детей на игровой площадке, и впервые это обрадовало миссис Мансон. Ведь благодаря крикам детворы она могла отвлечься от мыслей о деньгах и унять вихрь переполнявших ее чувств.

– Боюсь, это много. У меня нет таких денег, – рассеянно проговорила миссис Мансон, не отрывая взгляда от шубы, потому что боялась поднять глаза и взглянуть в лицо Вини.

Та небрежно бросила шубу на кушетку:

– Так, я хочу, чтобы она досталась тебе! Деньги не главное, просто мне надо хоть как-то компенсировать свои расходы. Сколько ты можешь предложить?

Миссис Мансон закрыла глаза. Боже, какой ужас! Просто ужас!

– Ну, может быть, четыреста... – неуверенно произнесла она.

Вини снова подхватила шубу и оживленно проговорила:

– Давай-ка посмотрим, как она на тебе сидит!

Они отправились в спальню, и там миссис Мансон примерила шубу перед большим зеркалом стенного шкафа. Надо будет отдать шубу скорняку: чуть-чуть ушить, немного укоротить рукава и, возможно, отреставрировать мех. Да, в этой шубе она выглядит богато!

– По-моему, очень красиво, Вини! Так мило с твоей стороны, что ты обо мне вспомнила!

Вини прислонилась к стене, ее бледное лицо выглядело напряженным в слепящих лучах солнца, проникавших сквозь большие окна спальни.

– Можешь выписать мне чек, – произнесла она равнодушно.

– Да, конечно! – Ее голос сразу вернул миссис Мансон на землю. Вы только представьте себе: Берта Мансон в шубе из настоящей норки!

Они вернулись в гостиную, и миссис Мансон выписала чек на имя Вини. Аккуратно сложив бумажку, та спрятала ее в вышитый бисером кошелек.

Миссис Мансон лихорадочно пыталась найти новую тему для разговора, но с каждой попыткой словно натыкалась на холодную стену. Она поинтересовалась у Вини, где ее муж:

– Приходите как-нибудь вместе, Альберту будет интересно с ним побеседовать.

На что Вини ответила:

– О, этот муж! Я не видела его сто лет. Насколько мне известно, он сейчас в Лисабоне.

На этом разговор о муже завершился.

Наконец, твердо пообещав позвонить завтра, Вини ушла. Закрыв за ней дверь, миссис Мансон подумала: «Бедная Вини! Она же нищая беженка!» Потом подхватила свою новую норковую шубу и отправилась с ней в спальню. Альберту она ни слова не скажет о том, каким образом оказалась у нее эта шуба. Ни за что! Господи, да он просто взбесится, узнав, сколько она стоит. Миссис Мансон решила запрячь шубу подальше, чтобы как-нибудь потом достать ее и объявить: «Альберт, ты только посмотри, какую дивную норку я купила на аукционе! Причем почти даром!»

Она открыла стенной шкаф, нашарила в темноте пустой крючок и повесила на него шубу, но при этом случайно задела за рукав и с ужасом услышала треск разрываемых ниток. Быстро включив свет, она увидела, что рукав надорван. Она взялась за края прорехи, слегка потянула – и дырка поползла дальше. Тут ей стало дурно от мысли, что это просто выношенное старье. «Боже!» – пробормотала она, схватившись за парусиновую розочку в волосах. Ее охватило чувство тупого опустошения. «Боже! Она же меня одурачила, просто одурачила. И с этим уже ничего нельзя поделать, ни-че-го!»

Потому что миссис Мансон вдруг отчетливо поняла, что Вини не позвонит ни завтра, ни вообще никогда.

Перевод О. Алякринского

Положение вещей

(1944)

Миниатюрная белокурая женщина, с пышной прической в стиле помпадур, прошла враскачку между столами тряского вагона-ресторана и медленно опустилась на стул у окна. Она пометила карандашом выбранные блюда в меню и, близоруко сощурившись, оглядела сидящих напротив нее розовощекого морского пехотинца и девушку с личиком в форме сердечка. Сразу заметив у девушки на безымянном пальце дешевенькое золотое колечко и красную ленту в волосах, она сочла ее простушкой и мысленно окрестила «фронтальной невестой». Потом едва заметно улыбнулась, приглашая соседней по столу к разговору.

Девушка приветливо заулыбалась в ответ:

– Вам повезло, что вы пришли так рано, а то тут всегда народу битком. Мы даже не смогли пообедать из-за толпы русских солдат – они тут ели... или пили... Боже, вы бы их видели! Все как Борис Карлофф, ей-богу!

Ее скороговорка напоминала стрекот кипящего чайника на плите, и женщина невольно откашлялась.

– Представляю, – сказала она. – До этой поездки я даже предположить не могла, что их сейчас так много везде... Я имею в виду солдат. Это заметно, только когда едешь в поезде. Я все удивляюсь: откуда они берутся?

– С призывных пунктов, – выпалила девушка и глупо захихикала.

Ее муж виновато покраснел:

– Вы едете до самого конца, мэм?

– Надеюсь... Этот поезд движется так медленно, как...

– Как патока с ложки льется! – воскликнула девушка и опять застрекотала: – Вы себе представить не можете, как мне тут нравится! Я целый день просто не могла отлепиться от окна. У нас в Арканзасе, откуда я родом, вокруг одни только равнины, и, когда я вижу горы, у меня прямо сердце заходит от восторга! – Она повернулась к мужу. – Милый, как думаешь, мы уже в Каролине?

Морпех выглянул в окно, за которым уже сгущались сумерки, быстро окрашивая небо густой синевою, под которой, словно отражаясь друг в друге, теснились горные кряжи. Он оторвал взгляд от темного пейзажа и заморгал, ослепленный яркими лампами вагона-ресторана.

– Скорее, это Виргиния, – пожав плечами, предположил он.

Со стороны спальных вагонов появился солдат, который поспешно шагнул к их столу и бессильно рухнул на свободный стул. Форма была ему явно велика и топорщилась складками на тщедушном теле. Его лицо, исхудавшее, с заострившимися чертами, казалось мертвенно-бледным по сравнению с румяным лицом морпеха, а черные, коротко стриженные волосы блестели под яркими лампами вагона, словно котиковая шапка. Он медленно обвел всех троих затуманенным взглядом, как будто его отделяла от них невидимая пелена, и нервно тронул два капральских шеврона на рукаве.

Женщина недовольно заерзала и придвинулась ближе к окну. Она проницательно решила, что солдат пьян, и заметила, как девушка наморщила носик, явно солидаризуясь с ее вердиктом.

Когда к столу подошел негр в белом фартуке и снял с подноса тарелки с заказами, капрал устало произнес:

– Я буду кофе, большую кружку, и двойные сливки.

Девушка поддела вилкой кусочек цыпленка в белом соусе.

– Ты не считаешь, милый, что в этом поезде за еду дерут ужасно дорого?

И тут началось.

Голова капрала вдруг мелко-мелко задергалась. Он выгнулся и замер, нелепо подавшись головой вперед: его рот уродливо растянулся, а на шее, скованной судорогой, набухли вены.

– Боже мой! – воскликнула девушка, а женщина выронила нож для масла и машинально прикрыла глаза ладонью. У морпеха на мгновение округлились глаза, но он быстро сообразил, что делать, и достал пачку сигарет.

– На-ка, приятель, покури!

– Прошу вас... Спасибо... Очень любезно... – пробормотал капрал и стукнул по столу стиснутым кулаком.

От удара подскочили, звякая, столовые приборы, а вода выплеснулась из наполненных доверху стаканов. Над столом повисла тишина, которую то и дело прорезали взрывы хохота из дальнего конца вагона-ресторана.

Потом девушка, понимая, что она сейчас в центре внимания, убрала выбившийся локон за ухо. Женщина подняла взгляд и прикусила губу, увидев, как капрал пытается закурить.

– Давайте я, – предложила она.

Но ее рука так сильно дрожала, что зажженная спичка потухла. Когда же ее вторая попытка увенчалась успехом, она выдавила жалкую улыбку. Вскоре приступ прошел.

– Мне так стыдно, – пробормотал капрал. – Прошу вас, простите меня.

– О, мы понимаем, – заявила женщина. – Мы все отлично понимаем.

– Вам больно? – спросила девушка.

– Нет, нет, это не больно.

– А я боялась, что вам больно. Так это выглядело. Это что-то вроде икоты, да? – Она вдруг резко качнулась вперед, словно ее пихнули в спину.

Капрал провел пальцем по краю стола и, помолчав, проговорил:

– Все со мной было в порядке, пока я не сел в поезд. Врачи обещали, что все будет нормально. Так и сказали: «С тобой все о'кей, солдат!» Это от возбуждения, от радости, что я наконец вернулся в Штаты, что я свободен и это чертово ожидание закончилось... – Он вытер пальцем глаз. – Простите!

Официант поставил на стол кружку кофе, и женщина попыталась было пододвинуть ее поближе к капралу, но тот почти злобно оттолкнул ее руку:

– Прошу вас, не надо. Я сам справлюсь.

Сконфузившись, она отвернулась и стала разглядывать свое отражение в окне. Ее лицо казалось совершенно спокойным, и это ее удивило, потому что она ощущала гипнотическую нереальность происходящего, как если бы ее переносило из одного сна в другой. Стараясь думать о чем-нибудь постороннем, она стала следить за мерным движением вилки морпеха от тарелки до его рта. Девушка ела с жадностью, а вот в ее тарелке еда уже совершенно остыла.

А потом приступ повторился, хотя и не в такой острой форме, как в прошлый раз. Женщина вздохнула, когда ее отражение расплылось в слепящем свете огней встречного поезда.

Капрал тихо ругался, и его проклятья звучали как слова молитвы. Потом он судорожно обхватил голову обеими руками.

– Слушай, парень, может, тебе врачу показаться? – заметил морпех.

Женщина схватила капрала за судорожно вздернутую руку.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила она.

– В госпитале, чтобы купировать приступ, врач смотрел мне прямо в глаза... Когда я смотрю кому-нибудь в глаза, это проходит...

Она заглянула ему в лицо.

– Ну вот, – произнес капрал, сразу успокоившись, – вот и прошло. Вы милая!

– Где это вас так? – спросила она.

Он нахмурился:

– Много где... Это все нервы. Они у меня ни к черту.

– И куда вы сейчас?

– В Виргинию.

– Домой, значит?

– Да, домой.

Пальцы, стиснувшие руку капрала, занемели, и женщина слегка их разжала.

– Запомните: главное – дом, а все остальное не важно.

– А знаете, что я вам скажу, – зашептал он. – Я вас люблю! Я вас люблю, потому что вы очень глупая и очень наивная и еще потому, что вы никогда ничего не узнаете про настоящую жизнь, кроме той, что вам покажут в кино. И я люблю вас, потому что мы уже в Виргинии и я почти дома!

Женщина резко отвернулась. В напряженной тишине повисла ее обида.

– Значит, думаете, это самое главное? – продолжал капрал. Он наклонился над столом и сонно потер ладонями лицо. – Ладно, но есть же еще достоинство. Когда такое вот произойдет на глазах у людей, которых я знаю всю жизнь, что мне делать? Думаете, мне приятно будет сидеть с ними за одним столом, как вот с вами, и видеть, как им противно? Или думаете, мне хочется напугать эту милую девчущку, чтобы она, глядя на меня, начала представлять себе всякие ужасы, которые могут случиться с ее парнем? Я несколько месяцев все ждал и ждал, и мне говорили в госпитале, что со мной полный порядок, и вот в первый раз я... – Он осекся, и его брови сошлись на переносице.

Женщина положила две купюры около своего счета и отодвинула стул.

– Позвольте, я пройду, – сказала она.

Капрал поднялся из-за стола и поглядел на ее нетронутую тарелку.

– Давайте ешьте, черт бы вас побрал! – проговорил он. – Вам надо поесть!

И потом, не оглядываясь, зашагал по проходу и скрылся за дверью.

Женщина заплатила за его кофе.

Перевод О. Алякринского

Бутыль серебра

(1945)

Было время – после уроков подрабатывал я в «Вальхалле», это аптека с магазином и закуской. Принадлежала она моему дяде, мистеру Эду Маршаллу. Называю его «мистер Маршалл», поскольку все окружающие, в том числе и собственная жена, звали его не иначе как «мистер Маршалл». Хотя человек он был свойский.

Аптекарский магазин, даром что старомодный, занимал большое, сумрачное, прохладное помещение: летом не было у нас в городке места приятней. При входе слева располагался табачный прилавок, за которым, как правило, восседал мистер Маршалл собственной персоной: приземистый, широколицый, розовощекий, с лихо закрученными седыми усами. За спиной у него виднелась необыкновенная стойка для продажи газированной воды. Старинная, мраморная, пожелтевшая от времени, тщательно отполированная, но без следов вульгарного блеска. Мистер Маршалл купил эту стойку в тысяча девятьсот десятом году на торгах в Новом Орлеане и очень гордился своим приобретением. Посетители, сидевшие на высоких стульях искусной работы, оказывались лицом к этой стойке, а над ней видели свое зыбкое, будто при свечах, отражение в длинном ряду старинных, оправленных в рамы красного дерева зеркал. Все товары домашнего обихода были выставлены в застекленных шкафчиках, едва ли не музейных, запиравшихся бронзовыми ключами. В воздухе витали ароматы сиропа, мускатного ореха и прочей вкусноты.

Для жителей округа Учата «Вальхалла» служила излюбленным местом отдыха – до той поры, пока в нашем городке не обосновался некто Руфус Макферсон, который открыл еще одну аптеку – прямо на другой стороне площади. Этот субъект, Руфус Макферсон, был сущим негодяем: он перебил моему дяде всю торговлю. Завел у себя новомодную лабуду – электро-вентиляторы, многоцветную иллюминацию; принимал заказы по телефону; поставил на тротуаре выносной столик, чтобы готовить для автомобилистов горячие сэндвичи с сыром. Хотя некоторые горожане и остались верны мистеру Маршаллу, большинство все же переметнулось к Руфусу Макферсону.

Поначалу мистер Маршалл решил его просто-напросто игнорировать: если кому-то случалось при нем упомянуть имя Макферсона, мой дядя просто фыркал, закручивал ус и отводил глаза. Но сразу было видно: он бесновался. И чем дальше, чем больше. Как-то раз в середине октября захожу я в «Вальхаллу» и вижу: мистер Маршалл, сидя за стойкой со стаканчиком вина, играет в домино с Хаммурапи.

Хаммурапи – египтянин, по профессии был дантистом или вроде того; но практика у него захирела, так как зубы у всех горожан здоровые, и всё благодаря местной воде, богатой какими-то минералами. Поэтому большую часть суток Хаммурапи бездельничал и ошивался в аптеке, где сдружился с моим дядей. Этот египтянин обладал довольно-таки приятной наружностью: смуглый, чуть ли не двухметрового роста; мамыши у нас в городке запирали дочерей на замок, а сами строили ему глазки. Говорил он совершенно чисто, без акцента, и я всегда считал, что он такой же египтянин, как я – инопланетянин.

В общем, сидели они за стойкой и глушили красное итальянское вино из трехлитровой бутылки. Зрелище было тревожное, поскольку мистер Маршалл пользовался репутацией убежденного трезвенника. У меня, естественно, сразу промелькнула мысль: «Боже правый, Руфус Макферсон его доконал». Однако пили они, как выяснилось, совсем по другому поводу.

– Иди-ка сюда, сынок, – позвал меня мистер Маршалл, – пропусти с нами стаканчик винца.

– Вот-вот, – поддакнул Хаммурапи, – помоги прикончить. В магазине куплено, не выливать же.

Через некоторое время, когда мы приговорили бутылку, мистер Маршалл поднял ее над стойкой и воскликнул:

– А теперь поглядим! – И с этими словами растворился в ранних сумерках.

– Куда это он? – спросил я.

– Э-э, – все, на что сподобился Хаммурапи. Ему нравилось меня дразнить.

Спустя полчаса дядя вернулся, сгибаясь и сопя под тяжестью своей ноши. Он водрузил на стойку бутылку, а затем, усмехаясь и потирая руки, отступил в сторону.

– Ну, что скажете?

– Э-э, – протянул Хаммурапи.

– Ого! – вырвалось у меня.

Перед нами, видит Бог, стояла та же самая бутылка, но с одним уму непостижимым отличием: теперь она была доверху наполнена монетками по пять и десять центов, которые тускло поблескивали сквозь толстое стекло.

– Неслабо, да? – проговорил дядя. – Разменял в Первом национальном. В горлышко ведь ничего больше пятака не пролезает. И тем не менее деньжищ тут прорва, доложу я вам.

– А зачем это, мистер Маршалл? – спросил я. – Идея-то в чем?

Теперь мистер Маршалл заулыбался во весь рот:

– Вы, наверное, скажете: просто бутылка серебра...

– Нет, горшок золота на конце радуги¹, – встрял Хаммурапи.

– ...но идея, как ты выразился, в том, чтобы народ угадывал, сколько там денег. Прикинь: купил ты товара, скажем, на двадцать пять центов – и можешь попытаться счастья. Больше покупок – больше попыток. А я буду вплоть до сочельника вносить все цифры в амбарную книгу, и на Рождество тот, чья отгадка окажется ближе всего к правильной сумме, получит всю кубышку.

Хаммурапи без тени улыбки покивал.

– Тоже мне, Санта-Клаус выискался, хитроумный Санта-Клаус, – бросил он. – Пойду-ка я домой и засяду писать книгу «Изощренное убийство Руфуса Макферсона».

Надо сказать, египтянин и в самом деле кропал рассказы и отправлял их в журналы. Рукописи всякий раз приходили обратно.

Поразительно, просто уму непостижимо, какой отклик нашла в округе Уачата затея с бутылкой. Что и говорить: такого наплыва покупателей «Вальхалла» не видывала с тех самых пор, когда бедняга Талли, стационарный смотритель, слетел с катушек и объявил, что прямо у вокзала нашел нефть, после чего в город хлынули разные сомнительные личности и начали бурить поисковые скважины.

Даже завсегдатаи бильярдной, которые соглашались расстаться со своими кровными лишь там, где речь шла о выпивке или женщинах, вдруг пристрастились – насколько позволяла им свободная наличность – к молочным коктейлям. Немногочисленные престарелые дамы во всеуслышание заклеями придумку мистера Маршалла как род азартной игры, но шум поднимать не стали, а некоторые под благовидным предлогом даже заглянули в аптеку и с бухты-барахты назвали свою цифру. Школяры – те и вовсе походили с ума, и я стал знаменитостью местного пошиба: все считали, что мне известен точный ответ.

– Я тебе скажу, где собака зарыта, – начал Хаммурапи, закуривая египетскую сигарету, какие он заказывал по почте на табачной фабрике в Нью-Йорке. – Не там, где ты думаешь. Другими словами, алчность здесь ни при чем. Тайна – вот что завораживает человека. Смотришь ты на эти пятаки с гривенниками – и что тебе приходит в голову? Неужели «Ох, денег-то»?

¹ По легенде, там, где начинается радуга, зарыт горшок с золотом, и его сторожит лепрекон.

Ничуть не бывало. Тебе приходит в голову: «Ох, сколько ж сюда поместилось?» И это поистине основополагающий вопрос. Разные люди усматривают в нем разный смысл. Понимаешь?

А уж Руфус Макферсон просто рвал и метал! Кто занимается торговлей, тот знает, что Рождество приносит самую значительную часть годовой выручки, а потому Макферсон начал охоту за покупателем. Перво-наперво он решил позаимствовать идею с бутылкой, но из скарденности наполнил свою емкость монетками в один цент. Затем написал письмо редактору еженедельной городской газеты «Стяг» и сообщил, что мистера Маршалла нужно «вымазать дегтем, вывалить в перьях и вздернуть на виселицу за превращение невинных детей в прожженных азартных игроков, которым прямая дорога в ад!». Представляете, каким он стал посмешищем! От Макферсона отвернулись все. В итоге к середине ноября ему только и оставалось, что топтаться на тротуаре у своего заведения и мрачно глазеть на площадь, где всю кипели праздника.

Примерно в это же время в городе впервые объявился Шпингалет со своей сестрой.

Никто из горожан его не знал. По крайней мере, люди не припоминали, чтобы где-нибудь видели его прежде. Он рассказывал, что живет на ферме в миле от Индейского ручья, что мать его весит всего тридцать кило, а старший брат за пятьдесят центов лабает на скрипке по свадьбам. Шпингалет, уверял он, это его настоящее и единственное имя, а лет ему двенадцать. Правда, его сестра Мидди говорила, что только восемь. Волосы у него были прямые, темно-соломенные. На обветренной, напряженной физиономии с сосредоточенно-тревожными зелеными глазами читалась пронизательность вкупе с житейской мудростью. Низенький, шуплый и жилистый, Шпингалет всегда носил одно и то же: красный свитер, синие джинсовые бриджи и огромные, не по ноге, мужские башмаки, которые хлябали при каждом шаге.

Когда он впервые заглянул в «Вальхаллу», на улице лило как из ведра; мокрые мальчишеские волосы превратились в плотную шапку; башмаки облепила рыжая грязь проселочных дорог. Мидди поспежала следом, а Шпингалет ковбойской походочкой направился прямо к стойке, за которой я протираю стаканы.

– Слышал я, у вас тут на отдачу бутылка имеется, деньгами под завязку набитая, – сказал он, глядя на меня в упор. – А коли вы, братцы, ее на отдачу приготовили, так и отдайте нам, а мы будем премного благодарны. Зовут меня Шпингалет, а это сестренка моя, Мидди.

Мидди смотрела печально-печально. Худенькая, как тростинка, она была на голову выше, а с виду и намного старше брата. Бледное, жалостное личико обрамляли коротко стриженные белобрысые пряди. Стояла она в линялом ситцевом платье, не доходившем до острых коленок. У нее было что-то не то с зубами, но она старательно это скрывала, по-старушечьи чопорно поджимая губы.

– Прошу прощения, – ответил я, – но тебе нужно переговорить с мистером Маршаллом.

Так он и сделал. Мистер Маршалл при мне объяснил ему все условия. Шпингалет внимательно слушал и кивал. Через некоторое время он придвинулся вплотную к стойке, погладил бутылку и сказал:

– Знатная штука, верно, Мидди?

А Мидди поинтересовалась:

– Так отдадут нам ихнюю бутылку или нет?

– Не-а. Вперед надо угадать, сколько там денег. А чтоб попытку дали, надо прикупить чего-нить на четвертак, иначе нельзя.

– Так ведь нет у нас четвертака. Где ж его взять-то?

Нахмурившись, Шпингалет почесал подбородок.

– Это легче легкого, ты, главное, держись меня. А потрудней вот что будет: пальцем в небо не попасть. То бишь не гадать, а знать *на все сто*.

В общем, через несколько дней явились эти двое снова. Шпингалет взобрался на высокий стул поближе к стойке и решительно потребовал два стакана простой воды – для себя и для Мидди. Именно в тот раз он и поведал кое-что о своей семье:

– ...а еще папуля-дедуля, матушкин отец, он каджун², по-нашему еле-еле волокет. А братьник мой, тот, что на скрипке лабаёт, три раза на киче чалился... Это через него пришлось нам подхватиться и двинуть из Луизианы. Он какого-то кренделя бритвой почикал из-за тетки, на десять лет его старее. Белесая такая.

Мидди, которая до сих пор держалась в тени, нервно зачастила:

– Негоже вот так выбалтывать наши личные, семейные тайны, Шпингалет.

– Умолкни, Мидди, – отрезал Шпингалет, и его сестра умолкла. – Она у нас хорошая девочка, – добавил он и повернулся, чтобы погладить ее по голове, – только спуску ей давать нельзя. Ступай, красавица, журнальчики цветные полистай, а насчет зубов не парься. Шпингалету мозгами пораскинуть нужно.

Чтобы пораскинуть мозгами, Шпингалет застыл, не сводя глаз с бутылки, словно хотел ее съесть. Подперев ладонью подбородок, он долго сверлил взглядом стекло – и даже ни разу не моргнул.

– Мне одна мамзель в Луизиане сказала, что я вижу то, чего другим не видно, потому как мне судьба ворожит.

– Спорим, правильный ответ судьба тебе не наворожит, – сказал я ему. – Ты просто от балды назови цифру – может, и попадешь в точку.

– Вот еще, – отвечал он. – Черта лысого так рисковать. Лично я на фарт не полагаюсь. Знаешь, я тут мозгами-то пораскинул: чтоб маху не дать, только один способ есть – пересчитать пятаки и гривенники, все до единого.

– Давай, пересчитывай!

– Что пересчитываем? – Хаммурапи, лениво ввалившийся в помещение, устраивался за стойкой.

– Да вот, парнишка хочет сосчитать деньги в бутылки, – объяснил я.

Хаммурапи с интересом воззрился на Шпингалета.

– И как же ты намерен это сделать, сынок?

– Обыкновенно: сосчитаю, да и все, – небрежно бросил Шпингалет.

Хаммурапи рассмеялся:

– Вот ведь какая штука, сынок: для этого надо, чтобы глаза у тебя все насквозь видели, как рентген.

– А вот и нет. Хватит и того, чтоб судьба тебе ворожила. Так мне одна мамзель в Луизиане сказала. Она была колдунья, души во мне не чаяла, а когда матушка отказалась меня ей отдать, взяла да и напустила на нее порчу, оттого-то матушка и усохла до тридцати кило.

– Оч-чень интересно, – только и сказал Хаммурапи, недоверчиво косясь на Шпингалета.

Тут Мидди выступила вперед, сжимая в руках номер «Секретов экрана». Она показала Шпингалету какую-то фотографию и заговорила:

– Ну не красотка ли, а? Полюбуйся, Шпингалет: видишь, какие у ней зубки? Ровнехоньки.

– Ладно, разберемся, – ответил Шпингалет.

Когда они ушли, Хаммурапи заказал бутылку апельсиновой шипучки и неспешно выпил, покуривая сигарету.

– Как по-твоему, – озадаченно проговорил египтянин, – у этого шкета с головой все в порядке?

² *Каджуны* – своеобразная по культуре и происхождению франкоговорящая субэтническая группа, компактно проживающая в южной части штата Луизиана, именуемой Акадиана, а также в прилегающих округах южного Техаса и Миссисипи.

Я считаю, Рождество лучше встречать в маленьких городках. Они раньше других подхватывают дух праздника, меняются на глазах и, как по волшебству, оживают. Уже в начале декабря на дверях каждого дома красовались рождественские венки, а витрины магазинов украшали ярко-красные бумажные колокольчики и рисованные снежинки. Дети бегали в лес за пахучими вечнозелеными деревьями. Хозяйки выпекали кексы с цукатами и орехами, вскрывали банки с начинкой для сладких пирогов, откупоривали баклажки с винами из ежевики и местного зеленого винограда. На главной площади высилась большая елка, украшенная серебряной мишурой и цветными электрическими гирляндами, которые вспыхивали с наступлением сумерек. Ближе к вечеру из пресвитерианской церкви доносились рождественские гимны – хор готовился к традиционному выступлению. По всему городу буйно цвели камелии.

Единственным, кого, похоже, ни капли не трогала эта праздничная атмосфера, был Шпингалет. С величайшей, непоколебимой дотошностью он занимался подсчетом денег. Что ни день приходил он к нам в «Вальхаллу» и сосредоточенно упирался глазами в бутылку, хмурясь и бормоча себе под нос. Поначалу нам это было в диковинку, а потом приелось, и на Шпингалета перестали обращать внимание. Он никогда ничего не покупал – как видно, не мог наскрести четвертака. Изредка перебрасывался словом с Хаммурапи, который проявлял к нему ненавязчивый интерес и время от времени покупал для него леденец или на цент лакрицы.

– Вы по-прежнему думаете, что у него с головой беда? – спросил я.

– Пока не разобрался, – ответил Хаммурапи. – Но когда узнаю, непременно с тобой подеюсь. Живет он впроголодь. Хочу позвать его в «Радугу» и накормить жареным мясом.

– Если вы дадите ему четвертак, он больше обрадуется.

– Не скажи. Порция жареного мяса – именно то, что ему сейчас нужно. Да и потом, чем скорее он откажется от этой игры, тем для него лучше. Мальчонка – просто комок нервов, да и странный какой-то. Не хочу иметь ни малейшего отношения к его краху. Поверь, зрелище будет не из приятных.

Надо сказать, в ту пору Шпингалет казался мне просто чудиком. Мистер Маршалл его жалел, ребята пытались дразнить, однако, ничего не добившись, вскоре отстали. А он целыми днями просиживал, наморщив лоб, за стойкой и не сводил глаз с бутылки. Но при этом настолько погружался в себя, что у нас даже мурашки бежали по спине: будто он и вовсе нам пригрезился. А когда мы уже готовы были в это поверить, он вдруг просыпался и говорил: «Кажись, есть тут десятицентовик тринадцатого года чеканки, с буйволом. Мне кореш наводку дал, где такой можно за полсотни баксов толкнуть», или: «Мидди, как пить дать, станет в кино важной птицей. Которые в кино снимаются, деньги лопатой гребут; не век же капустные листья трескать. Только Мидди говорит: чтоб в кино сниматься, ей нужно сперва зубы подправить».

Мидди не всегда следовала за братом. Когда ее рядом не было, Шпингалет ходил как в воду опущенный, робел и подолгу не засиживался.

Хаммурапи сдержал-таки свое слово и сводил его в кафе поесть жареного мяса.

– Добрый он человек, мистер Хаммурапи, ей-богу, – рассказывал потом Шпингалет, – только мысли у него завиральные: дескать, живи он в том краю, что зовется Египет, так быть бы ему там царем, и никак не меньше.

А Хаммурапи рассказывал:

– Мальчику свойственна крепкая, трогательная вера. Отрадно такое видеть. Но мне уже претит наша затея. – Он кивнул в сторону бутылки. – Слишком жестоко давать людям тщетную надежду. Я сам не рад, что причастен к этой истории.

В торговом зале «Вальхаллы» только и разговоров было о том, кто что купит, если отхватит заветную бутылку. Особенно усердствовали Соломон Кац, Фиби Джонс, Карл Кунхардт, Пули Симмонс, Эдди Фокс克罗фт, Марвин Финкль, Труди Эдвардс и чернокожий парень по имени Эрскин Вашингтон. Для примера – некоторые мечты: съездить в Бирмингем и сделать

там перманент, приобрести подержанное пианино, шотландского пони, золотой браслет, всю серию книжек про братьев Ровер³ и страховой полис.

Однажды мистер Маршалл полюбопытствовал у Шпингалета, что тот желал бы прикупить для себя.

– Это секрет, – только и ответил мальчонка, и больше из него не удалось вытянуть ни слова.

Мы заключили: ему до того охота выиграть, что он боится сглазить.

Как правило, настоящая зима – правда, мягкая и недолгая – приходит к нам лишь в конце января. Но в тот год, о котором я веду речь, за неделю до Рождества город сковала небывалая стужа. Кое-кому она памятна до сих пор – уж больно лютовали холода: водопроводные трубы замерзли, многие горожане, кто вовремя не удосужился запастись дров для камина, лежали в кроватях под толстыми одеялами; небо странно насунилось, как бывает перед бурей, а солнце побледнело, точно луна на ущербе. Налетел резкий ветер и разметал по обледенелой земле сухие листья минувшей осени, а с елки на главной площади дважды сорвал весь рождественский наряд. Дыхание вырывалось изо рта сигаретным дымком. В лачугах у шелкопрядильной фабрики, где ютилась самая беднота, люди вечерами сходились вместе и тешили себя в потемках разными историями, чтобы только не думать о холоде. В сельской местности фермеры укрывали нежные растения джутовыми мешками и молились; а иным стужа оказалась на руку: они забивали свиней и везли в город свежие колбасы. Мистер Р. К. Джадкинс, городской пьяница, обрядился в красный марлевый костюм Санта-Клауса и топтался у входа в дешевой универмаг. У мистера Р. К. Джадкинса был целый выводок детишек, и горожане только радовались, что отец семейства достаточно протрезвел, чтобы заработать доллар-другой. В церкви пару раз устраивались праздничные собрания, и мистер Маршалл столкнулся там нос к носу с Руфусом Макферсоном: у них разгорелась нешуточная перебранка, но до рукопашной дело не дошло.

Как я уже говорил, Шпингалет жил на ферме в миле от Индейского ручья, то бишь милях в трех от города; дорога туда чертовски долгая и скучная. Невзирая на холода, он появлялся в «Вальхалле» каждый день и оставался до закрытия, то есть уходил уже с наступлением сумерек, потому как дни стали заметно короче. Бывало, его подвозил до полдороги мастер с фабрики, но такое случалось нечасто. Шпингалет осунулся, в уголках рта пролегли скорбные складки. От холода его постоянно бил озноб. Думаю, под красным свитером и синими бриджами отродясь не бывало теплого белья.

И за три дня до Рождества, как гром среди ясного неба, Шпингалет объявил:

– Вот и дело с концом. Теперь я точно знаю, сколько там деньжищ.

Его слова прозвучали столь серьезно, торжественно и веско, что для сомнений места не осталось.

– Эй, погоди-ка, сынок, погоди, – заговорил Хаммурапи, сидевший тут же. – Доподлинно этого никто не может знать. И не обманывай себя: потом горько жалеть будешь.

– А вы мне не указ, мистер Хаммурапи. Мы сами с усами. Одна мамзель в Луизиане сказала, что...

– Знаю-знаю... только об этом лучше забыть. Я бы на твоём месте пошел домой и выбросил из головы эту клятую бутылку.

– Мой брательник нынче лабаёт на свадьбе в Чероки-сити – он мне даст четвертак, – упрямо продолжал Шпингалет. – Завтра и попытаю счастья.

³ Серия из двадцати книг о приключениях братьев Тома, Сэма и Дика Ровер написана в 1899–1917 гг. Эдвардом Стратемейером (1863–1930) под псевдонимом Артур Уинфилд.

На другой день я даже распереживался, завидев Шпингалета и Мидди. Стоит ли говорить, что у мальчонки была при себе монета в двадцать пять центов, для пушей надежности завязанная в уголок красного шейного платка.

Взявшись за руки, брат с сестрой прохаживались вдоль витрин и шепотом советовались, что бы такого прикупить. В конце концов они выбрали флакон – размером с наперсток – цветочного одеколона, который Мидди тотчас же откупила и частично вылила себе на голову.

– Пахнет прям как... Ох, мать божья, до чего ж духовитый. Ну-ка, Шпингалет, родненький, дай я тебе волосы окроплю.

Но Шпингалет не дался.

Мистер Маршалл потянулся за амбарной книгой, а Шпингалет подошел к стойке, обхватил бутылку и любовно погладил. Глаза у него горели, щеки зарумянились от волнения. Немногочисленные посетители, оказавшиеся в этот час в «Вальхалле», подтянулись ближе. Мидди, стоя поодаль, чесала ногу и нюхала одеколон. Хаммурапи рядом не было.

Мистер Маршалл послушав грифель карандаша и улыбнулся:

– Ну, сынок, какое твое слово?

Собравшись с духом, Шпингалет выпалил:

– Семьдесят семь долларов тридцать пять центов.

Все остальные игроки без затей называли какую-нибудь круглую сумму; в том, что Шпингалет предложил такое несуразное число, уже было какое-то чудачество. Мистер Маршалл торжественно повторил его ответ и занес в книгу.

– А когда объявят, сорвал я куш или нет?

– В сочельник, – ответил кто-то из посетителей.

– Что, прям завтра?

– Стало быть, так, – невозмутимо подтвердил мистер Маршалл. – Подходи к четырем часам.

За ночь столбик термометра упал еще ниже, а перед рассветом хлынул по-настоящему летний ливень, и наутро улицы засверкали льдом. Город стал похож на северный пейзаж с открытки: на деревьях белели аккуратные сосульки, оконные стекла покрылись морозными цветами. Мистер Джадкинс поднялся ни свет ни заря и без видимой причины побрел по улицам, оглашая всю округу звоном колокольчика, зовущего к ужину, и прерываясь лишь для того, чтобы приложиться к фляжке, умещавшейся в кармане штанов. День стоял безветренный, и дым из печных труб лениво плыл в объятия безмятежного зимнего неба. Где-то к половине одиннадцатого в пресвитерианской церкви уже вовсю распевал хор; ребятишки, нацепив устрашающие маски, будто в Хеллоин, оголтело носились по главной площади.

Около полудня пришел Хаммурапи, чтобы помочь украсить аптеку. Он приволок огромный мешок мандаринов, кои мы умяли тут же, выкинув кожуру в новехонькую буржуйку (подарок мистера Маршалла самому себе), стоявшую посреди торгового зала. Затем мой дядя снял со стойки бутылку, протер и водрузил на видное место – на заранее приготовленный для церемонии стол. После этого никакой реальной помощи от него не было: он ссутулился в кресле и все оставшееся время завязывал и развязывал на бутылки аляповатый зеленый бант. Ну ничего: мы с Хаммурапи управились сами – подмели полы, отполировали зеркала, протерли от пыли все шкафчики с товаром и повсюду развесили разноцветные бумажные гирлянды. Когда дело было кончено, аптека приобрела опрятный и привлекательный вид.

Однако Хаммурапи как-то грустно оглядел «Вальхаллу» и сказал:

– Что ж, пожалуй, мне пора.

– Разве ты не останешься? – оторопел мистер Маршалл.

– А, нет-нет, – замотал головой Хаммурапи. – Не хотелось бы видеть горестное лицо мальчонки. Сегодня Рождество, я жду буйства праздника. Но не смогу веселиться, зная, что – отчасти по моей вине – кто-то страдает. Совесть, будь она неладна, просто не даст заснуть.

– Дело твое, – не стал уговаривать мистер Маршалл; он пожал плечами, но явно был задет. – Жизнь ведь такая штука, а помимо всего прочего, парнишка может и выиграть.

Хаммурапи тяжело вздохнул:

– Какое число он назвал?

– Семьдесят семь долларов тридцать пять центов, – ответил я.

– Ну скажите, разве это не удивительно? – произнес Хаммурапи.

Он тяжело опустился в соседнее кресло, закинул ногу на ногу и закурил.

– Если у тебя есть батончики «Бейби Рут», я не откажусь: во рту горчит.

День клонился к закату, а мы втроем сидели вокруг стола в невероятно подавленном настроении. Никто не проронил ни слова, а после того, как площадь опустела и ребятня разошлась по домам, тишину нарушал только бой часов на городской башне. «Вальхалла» сегодня не работала, но прохожие не упускали случая заглянуть в окна. В три часа дядя велел мне отпереть дверь.

За каких-то двадцать минут людей набилось столько, что в «Вальхалле» яблоку негде было упасть; все пришли нарядные, в воздухе поплыл приторный запах, так как девушки с шелкопрядильной фабрики загодя побрызгались ванильной отдушкой. Кто подпирал стены, кто бочком устраивался на стойке, кто протискивался куда только можно, но вскоре толпа уже запрудила и тротуар, и дорогу. На площади выстроились телеги и старенькие «форды» – это в город приехали фермеры с чадами и домочадцами. Повсюду раздавались выкрики, смех, шутки; какие-то возмущенные дамы жаловались на сквернословие, хамские выходки и толкотню гуляк помоложе, но не расходились. У бокового входа собрались чернокожие, которые веселились особенно шумно. Всем хотелось ловить момент и радоваться. Обычно в здешних местах бывает очень тихо: подобные гулянья у нас редкость. Я не ошибусь, если скажу, что к нам стянулся весь округ Уачата, за исключением больных и, конечно, Руфуса Макферсона. Я выглядывал Шпингалета, но его нигде не было.

Мистер Маршалл прочистил горло и захлопал в ладоши, призывая всех успокоиться. Гвалт сменился напряженной тишиной – хоть ножом режь; и мой дядя, как заправский аукционист, начал:

– Прошу внимания! Вот в этом конверте, который вы видите у меня в руке, – он поднял над головой плотный бумажный конверт, – запечатан *правильный ответ*, который покамест известен одному лишь Господу Богу и Первому национальному банку, хе-хе. А в этом грессбухе, – другой рукой он взял амбарную книгу, – мною записаны те суммы, которые вы называли. Вопросы есть?

Никто не проронил ни звука.

– Прекрасно. Тогда мне потребуется добровольный помощник...

Ни один из присутствующих даже не шелохнулся: на людей будто легло жуткое заклятие скромности; даже самые отъявленные выскочки смущенно переминались с ноги на ногу. И вдруг раздался пронзительный голос – это прибежал Шпингалет:

– А ну расступись... Посторонитесь, мадам.

Он локтями прокладывал себе путь, сзади семеняла Мидди, а с нею какой-то долговязый увалень – очевидно, брат-скрипач. Шпингалет оделся как всегда, но физиономию отмыл до румянца, надраил башмаки ваксой, а набриолиненные волосы гладко зачесал назад.

– Мы не опоздали? – запыхавшись, спросил он.

На что мистер Маршалл ответил вопросом:

– Итак, ты готов быть добровольным помощником?

Шпингалет осекся, но потом решительно закивал.

– Возражения против кандидатуры этого молодого человека имеются?

Толпа безмолвствовала. Мистер Маршалл вручил конверт Шпингалету; тот принял его не моргнув глазом, прикусил нижнюю губу и внимательно осмотрел клапан.

В воздухе по-прежнему висело гробовое молчание, нарушаемое разве что непроизвольным покашливанием да тихим позвякиванием колокольчика мистера Джадкинса. Хаммурапи, облокотившись на стойку, смотрел в потолок. Мидди с отсутствующим видом заглядывала братишке через плечо, но тихонько ахнула, когда он начал вскрывать конверт.

На свет появился розовый листок бумаги; Шпингалет, держа его перед собой, словно хрупкую драгоценность, беззвучно прочел запись. Тут он вдруг побледнел, а в глазах блеснули слезы.

– Не тяни, малец, объявляй! – гаркнули из толпы.

Тогда вперед шагнул Хаммурапи. Недолго думая, он отобрал листок, прочистил горло и начал было читать, но внезапно до смешного изменился в лице.

– Ох ты, мать честная... – вырвалось у него.

– Громче! Громче! – требовал гневный хор.

– Жулье! – завопил мистер Р. К. Джадкинс, успевший приложиться к фляжке. – Я сразу неладное унюхал, а теперь вонь аж до неба поднялась!

Воздух содрогнулся от улюлюканья и свиста.

Брат Шпингалета резко развернулся и погрозил кулаком:

– А ну молчать, всем молчать, кому сказано, не то сшибу вас лбами – и будут шишки с дыню, понятно?

– Сограждане! – вскричал мэр Моуз. – Сограждане... послушайте, сегодня Рождество... послушайте...

Мистер Маршалл, вскочив на стул, бил в ладоши и топал ногами, пока не восстановил некое подобие порядка. Замечу: позднее стало известно, что не кто иной, как Руфус Макферсон, заплатил мистеру Р. К. Джадкинсу, чтобы тот поднял бучу. Одним словом, когда вспышка негодования улеглась, розовый листок оказался... у кого бы вы думали? У меня. А как это произошло – лучше не спрашивайте.

Не подумав, я выкрикнул:

– Семьдесят семь долларов тридцать пять центов.

В этой сумятице я, конечно, не сразу осознал смысл этой записи: ну, цифры и цифры. Брат Шпингалета с воплем рванулся вперед, и до меня дошло. Над толпой зашелестело имя победителя: уважительные, благоговейные шепотки ревели не хуже лавины.

На Шпингалета жалко было смотреть. Мальчишка плакал, как смертельно раненный, но после того, как Хаммурапи подхватил его на руки и усадил себе на плечи, чтобы толпа увидела победителя, Шпингалет утер слезы рукавом и расцвел улыбкой. Мистер Джадкинс заголосил: «Мошенник! Подлый мошенник!» – но вопли его утонули в оглушительном громе аплодисментов.

Мидди схватила меня за руку.

– Зубки мои, – пискнула она. – Теперь у меня зубки будут.

– Зубки? – Это сбило меня с толку.

– Вставные, – ответила Мидди. – Вот на что деньги пойдут – на распрекрасные, белоснежные вставные зубки!

Но моим умом владела лишь одна мысль: как он узнал?

– А ну-ка, – решился я, – скажи мне, как, во имя Господа, он угадал, что туда поместилось именно семьдесят семь долларов и тридцать пять центов?

И тут она парализовала меня *тем самым* взглядом.

– Вот так раз, я думала, он тебе признался, – без улыбки ответила Мидди. – Он сосчитал.

– Ну, допустим, а как... каким образом он это сделал?

– Фу ты! Не знаешь, что ли, как люди считают?

– И это все?

– Ну-у, – задумчиво протянула она, – еще он немного помолился.

Уже собравшись уходить, Мидди повернулась и добавила:
– К тому же братику моему судьба ворожит.

Никто так и не смог приблизиться к разгадке этой тайны. Но в дальнейшем, стоило только спросить Шпингалета: «Каким образом?» – как он тут же, хитро улыбаясь, переходил на другое. Спустя годы их семья переехала куда-то во Флориду, и с тех пор мы больше о нем не слышали.

Однако в нашем городе легенда о нем живет по сей день. Под Рождество баптисты ежегодно приглашали мистера Маршалла (до самой его смерти, последовавшей в апреле прошлого года) в воскресную школу рассказать эту историю. Хаммурапи даже отпечатал ее на машинке и разослал в многочисленные журналы. Но рассказ так и не увидел свет. Один редактор написал: «Если бы девочка впоследствии действительно стала кинозвездой, тогда ваш сюжет, возможно, оказался бы приемлемым». Но чего не было, того не было – зачем же выдумывать?

Перевод Е. Петровой

Мириам

(1945)

Вот уже несколько лет миссис Г. Т. Миллер занимала уютную квартирку (две комнаты и небольшая кухня) в солидном, недавно перестроенном доме близ Ист-Ривер. Она осталась вдовой, но по смерти мистера Г. Т. Миллера получила вполне приличную страховку. Круг ее интересов не отличался широтой, приятельниц она, по сути, не завела и редко выбиралась дальше углового продуктового магазина. Соседи по дому, казалось, ее не замечали: одета неприметно, стрижка самая обыкновенная, волосы – перец с солью – уложены кое-как; не подкрашена, черты лица заурядные, неброские, да и в возрасте уже: недавно шестьдесят один год исполнился. Занималась она в основном рутинными делами: наводила идеальный порядок в комнатах, изредка выкуривала сигарету, готовила себе поесть, ухаживала за канарейкой.

И как-то раз познакомилась с Мириам. В тот вечер начался снегопад. После ужина, когда вся посуда была насухо вытерта, миссис Миллер принялась листать свежую газету и обратила внимание на рекламу фильма, который крутили в ближайшем кинотеатре. Ей понравилось название; она влезла в бобровую шубу, зашнуровала высокие боты и вышла из дому, оставив гореть лампочку в прихожей: темнота вселяла в нее ощущение невыразимой тревоги.

Мелкие снежинки падали деликатно и пока еще не застилали тротуар. Ветер с реки лютывал только на перекрестках. Миссис Миллер поспешала, склонив голову, и не видела ничего вокруг, точно крот, вслепую роющий ход под землей. Остановилась она лишь у аптекарского магазина, чтобы купить мятных леденцов.

Перед кассами выстроилась длинная очередь, пришлось встать в самый конец. В зрительный зал (проскрежетал усталый голос) запускать будут с небольшой задержкой. Порывшись в кожаной сумочке, миссис Миллер набрала нужную сумму без сдачи. Очередь, казалось, совсем застопорилась; чтобы хоть чем-то себя занять, миссис Миллер начала смотреть по сторонам, и тут ее внимание привлекла девочка, стоявшая под самым краем козырька.

Миссис Миллер еще не видела, чтобы у кого-нибудь были такие длинные, необычные волосы: серебристо-белые, как у альбиноса. Ниспадающие до пояса шелковистыми, свободными прядями. Девочка выглядела тоненькой, хрупкой. Даже в ее позе – большие пальцы засунуты в карманы лилового бархатного пальтишка, явно сшитого по мерке, – сквозило какое-то удивительное изящество.

На миссис Миллер нахлынуло непонятное волнение; заметив, как девчушка стрельнула глазами в ее сторону, она тепло улыбнулась. Тогда девочка подошла к ней и спросила:

– Не могли бы вы сделать мне одолжение?

– Если это в моих силах, то с радостью, – ответила миссис Миллер.

– О, ничего сверхъестественного. Я всего лишь хотела попросить вас купить мне билет, иначе меня не пропустят. Деньги у меня есть, вот. – И она грациозно протянула миссис Миллер две монетки по десять центов и одну пятицентовую.

В кинотеатр они вошли вместе. Билетерша направила их в фойе; текущий сеанс заканчивался через двадцать минут.

– Чувствую себя отпетой преступницей, – задорно сказала миссис Миллер, когда они сели. – Я совершила противозаконное деяние, верно? Надеюсь, это никому не причинит вреда. А твоя мама знает, где ты находишься, милая? То есть наверняка знает, правда же?

Девочка промолчала. Она сняла пальто, сложила его на коленках. И осталась в строгом темно-синем платье. Тонкие, чуткие музыкальные пальцы теребили золотую цепочку, свисающую с шеи. Приглядевшись повнимательнее, миссис Миллер поняла, что самая примечатель-

ная черта этой девочки – даже не волосы, а глаза: светло-карие, сосредоточенные, лишённые каких бы то ни было признаков детства, непомерно большие для этого маленького личика.

Миссис Миллер протянула ей мятный леденец.

– Как тебя зовут, милая?

– Мириам, – как нечто само собой разумеющееся сообщила та.

– Подумать только: меня тоже зовут Мириам. А ведь имя довольно редкое. Только не говори, что фамилия твоя – Миллер!

– Я просто Мириам.

– Но занятно, правда?

– В определенной степени, – сказала Мириам и повертела на языке леденец.

Миссис Миллер так смешалась, что даже вспыхнула и неловко заерзала.

– Для твоего возраста у тебя очень развитая речь.

– Неужели?

– Пожалуй, да, – ответила миссис Миллер и поспешно сменила тему: – Любишь кино?

– Пока не знаю, – сказала Мириам. – Никогда еще не смотрела.

Из зала начали выходить зрительницы; сквозь открытые двери доносились взрывы бомб из кинохроники. Миссис Миллер, прижимая к себе сумочку, вскочила.

– Побегу, а то все места займут, – сказала она. – Приятно было с тобой познакомиться.

Мириам едва заметно кивнула.

Снегопад не прекращался целую неделю. На улицах ни автомобильные колеса, ни людские шаги не производили никакого шума, будто жизнь с недавних пор велась тайно, за бледным, непроницаемым занавесом. В наступившей тишине не осталось ни земли, ни неба – только взлетающий с ветром снег: он слепил оконные стекла, выстуживал комнаты, притуплял и заглушал город. Круглые сутки приходилось оставлять гореть хотя бы одну лампочку, и миссис Миллер потеряла счет дням: что пятница, что суббота; пошла в угловой магазин, а там, естественно, закрыто – воскресенье.

В тот вечер она удовольствовалась яичницей и порцией томатного супа. Затем переоделась во фланелевую ночную рубашку, нанесла на лицо кольдкрем, с грелкой в ногах устроилась на кровати, подложив под спину подушку, и стала читать «Таймс». Вдруг раздался звонок. Сначала она подумала, что кто-то ошибся дверью и сейчас уйдет. Но звонок дребезжал раз за разом, а потом и вовсе перешел в сплошной настырный трезвон. Часы показывали начало двенадцатого; глазам не верилось – обычно к десяти она уже засыпала.

Выбравшись из постели, миссис Миллер босиком пошлепала через гостиную.

– Иду-иду, потерпите, пожалуйста.

Дверной засов не поддавался; она дергала его так и этак, а звонок не умолкал ни на секунду.

– Прекратите же! – вскричала она. Засов наконец-то скользнул в сторону, и миссис Миллер на палец отворила дверь. – В чем дело?

– Здравствуйте, – сказала Мириам.

– Ох... ну, здравствуй. – Миссис Миллер неуверенно попятилась в прихожую. – Ты – та самая девочка.

– Я уж думала, вы не откроете, но на всякий случай давила на кнопку: знала ведь, что вы дома. Неужели меня здесь не хотят видеть?

Миссис Миллер смутилась. Как она заметила, Мириам пришла в том же бархатном лиловом пальтишке, но теперь еще и в берете того же оттенка; белые волосы были заплетены в две блестящие косички с огромными белыми бантами.

– Я так долго ждала под дверью – могли бы пригласить меня в дом, – сказала девочка.

– Время позднее...

Мириам смотрела перед собой с отсутствующим видом.

– Ну и что? Впустите меня. Здесь холодно, а я в шелковом платье. – С этими словами она мягким жестом заставила миссис посторониться и вошла в квартиру.

Пальтишко и берет девочка бросила на стул. На ней действительно было шелковое платье. Белое. В феврале – белое шелковое платье. Юбка в нарядную складку, длинный рукав; этот наряд тихо шуршал, когда она передвигалась по комнате.

– А у вас очень мило, – сказала Мириам. – Мне нравится этот ковер: синий – мой любимый цвет. – Она пощупала бумажную розу из букета, стоявшего в вазе на журнальном столике. – Искусственная, – вымученно изрекла она. – Печально. Все искусственное печально, вы согласны? – Усевшись на диван, она грациозно расправила юбку.

– Что тебе нужно? – спросила миссис Миллер.

– Сядьте, – потребовала Мириам. – Я нервничаю, когда у меня стоят над душой.

Опустившись на пуфик, миссис Миллер повторила:

– Что тебе нужно?

– По-моему, вы мне совсем не рады.

Смешавшись уже вторично, миссис Миллер неопределенно махнула рукой. Мириам захихикала и откинулась на стопку обитых ситцем диванных подушек. По наблюдениям миссис Миллер, сегодня девочка выглядела не такой бледной, как в первый раз: у нее появился румянец.

– Как ты узнала, где я живу?

Мириам нахмурилась:

– Тоже мне сложность. Вас как зовут? А меня как?

– Но в телефонном справочнике мой адрес не значится.

– Ой, давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Миссис Миллер сказала:

– Твоя мама, должно быть, не в себе: как можно позволять девочке разгуливать одной среди ночи, да еще в таком неуместном виде. Не знаю, о чем она думает.

Поднявшись с дивана, Мириам направилась в угол, где с потолка свисала укрытая на ночь птичья клетка, и приподняла край покрывала.

– Канарейка, – сказала она. – Не возражаете, если я ее разбужу? Хочется послушать, как она поет.

– Оставь ее в покое! – вскинулась миссис Миллер. – Не смей будить.

– Не больно-то и хотелось, – сказала Мириам. – Только непонятно, почему нельзя послушать, как она щебечет. – А потом: – У вас найдется что-нибудь на зубок? Умираю с голоду! Меня вполне устроит стакан молока и булка с вареньем.

– Послушай, – миссис Миллер встала с пуфика, – послушай... я дам тебе вкусной булки с вареньем, а ты будь умницей и сразу после этого беги домой, хорошо? Сейчас уже наверняка за полночь.

– На улице снег валит, – укоризненно заметила Мириам. – Холодно, темно.

– Вот и нечего было сюда приходить, – едва сдерживаясь, выговорила миссис Миллер. – Никто не виноват, что сегодня такая погода. Если хочешь, чтобы я тебя накормила, пообещай, что уйдешь.

Мириам провела косичкой по щеке. Глаза смотрели задумчиво, будто такое предложение нужно было взвесить. Она повернулась к птичьей клетке и сказала:

– Хорошо. Обещаю.

Какого же она возраста? Лет десяти? Одиннадцати? На кухне миссис Миллер откупила банку земляничного варенья и отрезала четыре ломтика булки. Потом налила стакан молока и помедлила, зажигая сигарету. *И зачем ее сюда принесло?* Рука, державшая спичку, дрожала, и миссис Миллер, задумавшись, обожгла пальцы. Канарейка запела, причем так, как пела только по утрам и больше никогда.

– Мириам! – выкрикнула миссис Миллер. – Мириам, кому сказано: оставь канарейку в покое!

Ответа не последовало. Миссис Миллер окликнула девочку еще раз, но услышала только птичье пение. Сделав затяжку, она поняла, что зажгла сигарету не с того конца и... нет, в самом деле, так нельзя.

В гостиной она поставила поднос с едой на журнальный столик. Ночное покрывало – она первым делом проверила – оказалось не сдвинуто. И тем не менее канарейка распевала. Миссис Миллер сделалось не по себе. В комнате никого не было. Она бросилась через арочный проем в спальню, на пороге у нее перехватило дыхание.

– Что ты себе позволяешь? – возмутилась она.

Мириам подняла голову, в глазах у нее промелькнуло нечто новое. Она стояла у секретера, перед выдвинутым ящичком с драгоценностями. С минуту девочка изучала миссис Миллер, стараясь поймать ее взгляд, а потом улыбнулась.

– Тут нет ничего стоящего, – объявила она. – Но вот это мне приглянулось. – У нее на ладони лежала брошь-камея. – Очаровательная безделушка.

– А ну-ка... лучше будет, если ты вернешь ее на место, – проговорила миссис Миллер, внезапно ощутив какую-то незащищенность.

Она прислонилась к дверному косяку; голова сделалась невыносимо тяжелой; от этой тяжести замедлилось сердцебиение. Свет замигал, словно из-за неисправной проводки.

– Прошу тебя, девочка... это подарок моего мужа...

– Красивая вещица, я такую хочу, – сказала Мириам. – Отдайте ее мне.

Стоя в дверях и пытаясь придумать какую-нибудь отговорку, чтобы спасти брошь, миссис Миллер осознала, что защиты ждать неоткуда; она была одинока, хотя это обстоятельство давно не приходило ей на ум. Сейчас оно ошеломило ее своей весомостью. А вдобавок здесь, прямо у нее в спальне, среди притихшего под снегом города появились такие доказательства этого факта, от которых невозможно даже отмахнуться, а уж тем более – это стало предельно ясно – отделаться.

Мириам с жадностью набросилась на съестное, умяла булку с вареньем, и детские пальчики забегали по тарелке паучьими движениями, собирая крошки. На лифе белого платья поблескивала камейка – светлый профиль, как обманчивый портрет новой владелицы.

– Вкуснота, – вздохнула она, – сейчас бы еще миндальное пирожное или глазированную вишенку – было бы просто идеально. Десерты – такое объедение, вы не находите?

Пристроившись на краю пуфа, миссис Миллер курила. Сеточка для волос съехала набок, лицо облепили выбившиеся пряди. Глаза тупо уставились в никуда; щеки пошли красными пятнами, похожими на вечные отметины от жестоких пощечин.

– Так что же: на десерт ничего нет... Пирожное?

Миссис Миллер стряхнула пепел на ковер. Она свесила голову, пытаясь сосредоточить взгляд.

– Ты обещала уйти, если я накормлю тебя булкой с вареньем, – напомнила она.

– Силы небесные, это правда?

– Ты дала слово. Я устала и плохо себя чувствую.

– Не дуйтесь, – фыркнула Мириам. – Это шутка.

Подхватив пальто, она перебросила его через руку и перед зеркалом приладила на голове беретик. А потом, склонившись едва ли не вплотную к миссис Миллер, прошептала:

– Поцелуй меня на прощание.

– Прошу тебя... только не это, – взмолилась миссис Миллер.

Мириам подняла одну бровь и дернула плечом.

– Как угодно, – прошептала она, устремилась к журнальному столику, схватила вазу с искусственными розами, перенесла ее туда, где кончался ковер, и швырнула об пол. Осколки брызнули во все стороны, а детская ступня раздавила букет.

После этого Мириам пошла к выходу, но, прежде чем затворить за собой дверь, с невинным любопытством оглянулась на миссис Миллер.

На другой день миссис Миллер лежала в постели; встала она лишь для того, чтобы покормить канарейку и выпить чашку чая; поставила себе градусник, но жара не было, хотя ее и преследовали горячечные, тревожные сны – они не отступали даже наяву, когда она широко раскрытыми глазами смотрела в потолок. Один сон, как неуловимо-загадочная тема сложной симфонии, стержнем проходил через все прочие, четко и прицельно, будто умелой рукой, обрисовывая сцены: маленькая девочка в свадебном платье и венке из листьев поднимается в гору во главе серой, странно молчаливой процессии; какая-то женщина, замыкающая эту вереницу, спрашивает: «Куда она нас ведет?» – «Никто не знает», – отвечает ей бредущий впереди старик. «Но до чего же хороша, – прорезается третий голос. – Ни дать ни взять – морозный цветок... так и сияет белизной, верно?»

Во вторник утром ей полегчало; косые, острые лучи солнца, проникавшие сквозь жалюзи, своим беспощадным светом разогнали все нездоровые грезы. Она распахнула окно навстречу оттепели и мягкому, почти весеннему дню; бескрайнее, не по сезону голубое небо подернулось юными белыми облачками, за низкими крышами виднелась река, теплый ветер поигрывал дымом от буксирных труб. На заметенной улице лавировала, оглашая воздух негромким жужжанием, серебристая снегоуборочная машина. Наведя порядок в квартире, миссис Миллер пошла в продуктовый магазин, обналичила там чек и направилась в кондитерскую «Шраффт», где позавтракала и оживленно поболтала с официанткой. Чудесный выдался денек... настоящий праздник... домой идти не хочется.

На Лексингтон-авеню она села в автобус и доехала до Восемьдесят шестой улицы. Почему-то именно туда потянуло ее за покупками.

За какими, чего ради – она и сама не знала, но неспешно брела вперед, обращая внимание только на прохожих, деловитых и сосредоточенных, и явственно чувствуя собственную неприкаянность.

И вот, остановившись у светофора на углу Третьей авеню, она увидела этого субъекта в потертом коричневом пальто и клетчатом кепи – кривоногого старика, согбенного под тяжестью громоздких пакетов. Внезапно до миссис Миллер дошло, что они с ним улыбаются друг другу: ни намека на приветливость в их улыбках не было, просто мелькнули две холодные искры узнавания. Но она-то знала: встречаться им не доводилось.

Старик прислонился к опоре надземки; когда миссис Миллер ступила на мостовую, незнакомец двинулся следом. Держался он совсем близко, краем глаза она ловила его зыбкое отражение в стеклах витрин.

Дойдя до середины квартала, она остановилась и развернулась лицом к старику. Он с ухмылкой склонил голову набок и тоже остановился. А что она могла ему сказать? Или сделать? Тут, на Восемьдесят шестой улице, среди бела дня? Ровным счетом ничего, и миссис Миллер, проклиная себя за мягкотелость, ускорила шаг.

Вторая авеню, вообще говоря, мрачная улица, будто собранная из остатков и кусков: где брусчатка, где асфальт, где бетон, кругом вечное запустение. Пройдя по ней пять кварталов, миссис Миллер не встретила ни одной живой души, и все это время ее преследовал мерный скрип снега под чужими ногами. Даже на подходе к цветочному магазину шаги слышались прямо у нее за спиной. Она юркнула внутрь и сквозь стеклянную дверь проводила глазами старика: тот прошагал мимо, глядя перед собой и не замедляя хода, но сделал чудной, красноречивый жест – слегка приподнял кепи.

– Шесть белых, вы сказали? – уточнил продавец.

– Да-да, – подтвердила миссис Миллер, – шесть белых роз.

Потом она заглянула в магазин художественного стекла и выбрала вазу (надо думать, взамен той, что разбила Мириам), хотя цена оказалась безбожной, а сама ваза, как подумалось миссис Миллер, донельзя простецкой. Но череда необъяснимых покупок уже началась, будто по некоему заранее составленному плану, что был ей совершенно неведом и неподвластен.

Она купила пакетик глазированной вишни, а дальше в какой-то «Пекарне „Никербокер“» выложила сорок центов за шесть миндальных пирожных.

За истекший час в воздухе опять похолодало, солнце мутными стеклами заслонили зимние облака, небо тронули ранние мертвенные сумерки; со стороны уличных сугробов изредка доносились детские крики, от которых содрогался промозглый, смешанный с ветром туман, вселявший одиночество и тоску. Вскоре упала первая снежинка, и к тому времени, как миссис Миллер добралась до своего надежного жилища, разыгрался настоящий буран, который мгновенно заметал все следы, не давая им отпечататься.

Белые розы вполне живописно смотрелись в новой вазе. На фаянсовой тарелочке поблескивали глазированные вишни. Рука сама тянулась к миндальным пирожным, посыпанным сахарной пудрой. Канарейка, трепеща крылышками на своей трапедии, клевала зерновой брикет.

Ровно в пять часов раздался звонок. Миссис Миллер доподлинно знала, кто пришел. Подметая ковер полами халата, она пошла к дверям и спросила:

– Это ты?

– Разумеется, – ответила Мириам, и это единственное слово эхом отозвалось в прихожей. – Открывайте.

– Уходи, – сказала миссис Миллер.

– Да поживей, прошу вас... Мне держать тяжело.

– Уходи, – повторила миссис Миллер. Она вернулась в гостиную, закурила, села и стала невозмутимо слушать, как надывается звонок – снова, снова и снова. – Ступай, не трудись. Все равно я тебя не впущу.

Трезвон вскоре прекратился. Минут, наверное, десять миссис Миллер сидела без движения. Потом, не слыша более ни звука, решила, что Мириам ушла. Подойдя на цыпочках к порогу, она приоткрыла дверь: Мириам полусидела на картонной коробке и прижимала к груди прелестную французскую куклу.

– Я уж думала, вы никогда не откроете, – капризно сказала девочка. – Ну-ка, помогите мне втащить эту машину, она ужасно тяжелая.

Повинуясь даже не какому-то мистическому принуждению, а скорее непонятному безразличию, миссис Миллер втащила коробку в квартиру; следом вошла девочка с куклой. Не потрудившись снять пальто и берет, Мириам свернулась калачиком на диване и равнодушно следила за миссис Миллер, которая дрожащими руками опустила коробку на пол и выпрямилась, чтобы перевести дыхание.

– Вот спасибо, – сказала Мириам.

При свете дня у нее был изможденный, отсутствующий вид, а волосы уже не лучились прежним блеском. Обласканная ею французская кукла в изящном пудреном паричке бессмысленными стеклянными глазами искала утешения во взгляде Мириам.

– У меня для вас сюрприз, – продолжала девочка. – Загляните в коробку.

Опустившись на колени, миссис Миллер откинула верхние клапаны и вынула еще одну куклу; ниже лежало синее платье, в котором, насколько ей помнилось, Мириам пришла в кино; миссис Миллер порылась в коробке и сказала:

– Здесь сплошь одежда. Как это понимать?

– Очень просто: я пришла к вам жить, – ответила Мириам, скручивая черешок вишни. – Как мило с вашей стороны: для меня куплены вишенки...

– Даже речи быть не может! Ради всего святого, уходи... уходи, оставь меня в покое!

– ...и розы, и миндальные пирожные? Поистине удивительная щедрость. Знаете, вишенки просто восхитительны. До вас я жила у одного старика: он был страшно беден, и мы с ним никогда не ели ничего вкусного. Но здесь, надеюсь, мне будет хорошо. – Сделав паузу, она погладила куклу. – А теперь будьте любезны, покажите, где мне развесить одежду...

У миссис Миллер лицо стало похоже на маску, изрезанную жуткими красными морщинами; она расплакалась, но как-то неестественно, без слез, будто за давностью лет позабыла, как люди плачут. Осторожно попятившись, она в конце концов натолкнулась на дверь.

Ощупью она ринулась через прихожую и сбежала по лестнице на этаж ниже, где забарабанила кулаками в первую попавшуюся квартиру. Дверь открыл невысокий рыжеволосый мужчина. Миссис Миллер проскользнула мимо него.

– Эй, какого черта? – возмутился он.

– В чем дело, котик? – спросила молодая женщина, которая появилась из кухни, вытирая руки.

К ней-то и воззвала миссис Миллер:

– Послушайте, мне совестно за такое вторжение, но... ах да, я миссис Миллер, ваша соседка сверху, и... – Она спрятала лицо в ладони. – Такая нелепость...

Женщина подвела ее к стулу, а мужчина от волнения начал звенеть мелочью в кармане.

– Что стряслось?

– Я ваша соседка, у меня гостит одна девочка, и она меня пугает. Сама не уходит, а выставить ее мне не под силу... от нее можно ждать чего угодно. Она уже стащила мою камею, но замышляет кое-что похуже... нечто страшное!

Мужчина спросил:

– Она вам родня, что ли?

Миссис Миллер замотала головой:

– Понятия не имею, кто она такая. Зовут Мириам, но кто она – ума не приложу.

– Вы, главное дело, успокойтесь, голубушка, – сказала хозяйка, поглаживая миссис Миллер по плечу. – Тут с нами Гарри, он живо разберется с этой девчонкой. Поднимись туда, котик.

А миссис Миллер подсказала:

– Дверь не заперта... квартира пять-«а».

После ухода Гарри женщина принесла полотенце и помогла миссис Миллер утереть лицо.

– Вы – сама доброта, – растрогалась миссис Миллер. – Простите, что веду себя как последняя дура, но эта маленькая злодейка...

– Ну, будет, будет, голубушка, – стала успокаивать ее женщина. – Не переживайте.

Миссис Миллер опустила голову на согнутую руку, притихла и даже как будто задремала. Хозяйка квартиры включила радиоприемник; тишину нарушили звуки фортепиано и хриловатый голос; она принялась отбивать ногой ритм, безупречно попадая в такт.

– Нам бы тоже не мешало туда подняться, – сказала она.

– Видеть ее не могу. Не могу находиться рядом.

– Угу, но перво-наперво знаете, что нужно было сделать, – полицию вызвать.

Вскоре послышался стук шагов: это коротышка спускался по лестнице. Размашистым шагом войдя в прихожую, он нахмурился, почесал в затылке и, отчаянно смущаясь, объявил:

– Нету там никого. Смылась, не иначе.

– Гарри, ну ты и балбес, – фыркнула женщина. – Мы отсюда не отлучались, уж наверное, заметили бы... – Она осеклась под пристальным мужским взглядом.

– Я всю квартиру обшарил, – сказал коротышка. – Говорю же, нету там никого. Никого, понятно?

– Скажите, – миссис Миллер поднялась со стула, – скажите, вы видели там большую коробку? А куклу?

– Нет, мэм, ничего такого не видал.

И молодая женщина, будто вынося приговор, сказала:

– Хоть стой, хоть падай...

Бесшумно войдя к себе в квартиру, миссис Миллер замерла посреди гостиной. Да, в определенном смысле изменения не бросались в глаза: розы, пирожные, вишни – все на месте. Но комната была пуста; такой пустоты не добьешься даже вывозом мебели и живности; подобная мертвенность и окаменелость бывает только в похоронном зале. Перед миссис Миллер замаячил диван, будто совсем незнакомый: он был не занят и оттого приобрел новый смысл, пронзительный и пугающий; уж пусть бы на нем свернулась калачиком Мириам. Взгляд миссис Миллер сосредоточился на том месте, куда – ей четко помнилось – она сама поставила коробку, и пуфик вдруг отчаянно завертелся. Она посмотрела в окно: река-то безусловно была настоящей, на улице безусловно падал снег... но можно ли хоть в чем-то считать себя надежной свидетельницей, ведь Мириам наверняка здесь... но где она? Где же, где? Как во сне, миссис Миллер опустила в кресло. Комната теряла форму; прежде темная, она сделалась еще сумрачней, и с этим бесполезно было бороться, поскольку даже поднять руку, чтобы зажечь свет, оказалось невозможно.

Закрыв глаза, она внезапно почувствовала, как ее выталкивает вверх, словно ныряльщицу из глубокой зеленой бездны. В минуты ужаса или безмерной скорби случается так, что ум застывает, будто ждет озарения, а мысли тем временем окутывает кокон спокойствия, как дремота или непостижимый транс; и во время такого затишья человек вдруг обретает способность к трезвым, здравым рассуждениям: а что, если она и не встречала никогда девочки по имени Мириам? Что, если на улице просто испугалась неизвестно чего? Но в конечном счете это – равно как и все остальное – не играло роли. Ведь Мириам отняла у нее только внутренний стержень, но теперь-то к ней вернулась прежняя сущность, которая обитает в этой квартире, готовит себе поесть, держит канарейку; сущность эта надежна и заслуживает доверия: миссис Г. Т. Миллер.

Умиротворенная, она вслушалась в тишину и различила двойной стук: поблизости выдвинули и тут же задвинули ящичек секретера; звуки эти носились в воздухе даже после совершения тех действий: выдвинули – задвинули. А дальше их резкость мало-помалу сменилась шелковым, деликатно мягким шелестом, который приближался и набирал мощь, да такую, что от нее задрожали стены и вся комната начала рушиться под лавиной этих шорохов. Миссис Миллер замерла, открыла глаза – и встретила тусклый, пристальный взгляд.

– Ну, здравствуй, – сказала Мириам.

Перевод Е. Петровой

Я тоже не промах

(1945)

Догадываюсь, какие слухи распускают некоторые на мой счет; можете встать на их сторону или на мою – решайте сами. Здесь, конечно, мое слово против слова Юнис и Оливии-Энн, да только любой, у кого глаза есть, вмиг увидит, которая сторона умом тронулась. Я лишь хочу, чтобы граждане Соединенных Штатов знали факты – только и всего.

Факты таковы: в воскресенье, двенадцатого августа сего года от Рождества Христова, Юнис пыталась зарубить меня отцовской саблей времен Гражданской войны, а Оливия-Энн как угорелая носилась по дому, размахивая здоровенным тесаком. Я уж помалкиваю о том, что они до этого вытворяли изо дня в день.

Началось все полгода назад, когда я женился на Мардж. Это была моя первая ошибка. Поженились мы в Мобиле⁴, на пятый день знакомства. Мардж гостила у моей кузины Джорджии; всем нам уже исполнилось шестнадцать лет. Теперь, задним числом, теряюсь в догадках: как так вышло, что я на нее запал. Ни кожи ни рожи, ни мозгов. Зато натуральная блондинка. Вот вам, пожалуй, и ответ. Короче, прожили мы с ней каких-то три месяца – а Мардж взяла да и залетела; это была моя вторая ошибка. Начались истерики: хочу, мол, домой к маме, хотя на самом деле никакой мамы-то и нет, есть только эти две тетки – Юнис и Оливия-Энн. Из-за Мардж пришлось мне оставить завидное место продавца в мелкооптовом универмаге и перебраться в Адмиралз-Милл – откуда ни глянь, такое захоlustье, что иначе как придорожной помойкой не назовешь.

В тот день, когда мы сошли с поезда Южной железной дороги, хлестал жуткий ливень; угадайте, кто-нибудь потрудился нас встретить? А ведь я сорок один цент от себя оторвал, чтоб телеграмму отбить! Пожалуйста: с беременной женой под проливным дождем семь миль пешедралом. Мардж пришлось несладко, потому как у меня спина побаливает, где уж тут баулы волохать. Но потом увидел я этот особняк – и, честно сказать, обалдел. Большой, желтого цвета, вдоль всего фасада настоящие колонны, двор камелиями обсажен, розовыми и белыми.

Юнис и Оливия-Энн увидели, что мы уже тут, и затаились в прихожей. Клянусь, я бы дорого дал, чтоб вы поглядели на эту парочку. Да у вас бы в тот же миг душа отошла! Юнис – огромная старая корова, одна филейная часть на центнер потянет, не меньше. По дому вечно разгуливает в допотопной ночнушке, называет ее «кимоно», хотя кимоно здесь и близко не лежало, а по факту – засаленная бумазейная хламида. Мало этого – пытается корчить из себя леди, а сама жует табак и тишком сплевывает куда попало. В пику мне постоянно талдычит, какое у нее превосходное образование, хотя лично меня этим не проймешь: я-то знаю, что Юнис даже комиксы в газете по слогам читает. Хотя стоит признать: где требуется сложение и вычитание денег, там она большая дока, и один лишь Господь Бог знает, каких постов могла бы достичь Юнис, работай она в Вашингтоне, где печатают эти бумажки. Впрочем, деньжищ у нее и без того навалом. Сама она, понятное дело, отнекивается, но я-то знаю, потому как однажды совершенно случайно обнаружил тысячу баксов, заныканную в цветочном горшке на боковой веранде. Рука моя к ним не прикасалась, ни-ни, а Юнис знай орет, что я умыкнул стодолларовую купюру, да только это наглая ложь, от первого слова до последнего. А вот поди ж ты: все бредни Юнис равносильны приговору верховного трибунала, а как же иначе! Не родился еще в Адмиралз-Милл такой смельчак, чтобы запросто встать и сказать, что не должен ей денег, а если б она заявила, что Чарли Карсон (девятилетний слепец, парализованный аж

⁴ Мобил – портовый город на юге США, третий по величине город штата Алабама, порт в бухте Мобил-Бэй Мексиканского залива. Город имеет важное экономическое значение для Алабамы.

с одна тысяча восемьсот девяносто шестого) на нее набросился и взял силой, то все в округе поклялись бы на целой стопке Библий, что так оно и было.

Теперь насчет Оливии-Энн. Эта еще хлестче – святой истинный крест! От Юнис отличается лишь тем, что не так сильно меня достает, поскольку с рождения придурочная и, по хорошему, должна бы содержаться под замком где-нибудь на чердаке. Бледная как смерть, худющая, усатая. Сидит день-деньской на корточках и вострит какую-нибудь палку своим здоревенным тесаком, а если палку отобрать – того и гляди устроит дьявольскую вакханалию, какую она учинила с Миссис-Гарри-Стеллер-Смит. Я пообещал держать язык за зубами, но когда уже покушаются на человеческую жизнь... плевал я на эти обещания!

Миссис-Гарри-Стеллер-Смит – это была канарейка Юнис, названная в честь знахарки из Пенсаколы: та подпольно готовит снадобье от всего организма – Юнис, к примеру, глотает его от подагры. В один прекрасный день слышу в гостиной жуткий грохот, бегу туда – и что я вижу: клетка настезь, а Оливия-Энн с метлой наперевес гонит Миссис-Гарри-Стеллер-Смит в распахнутое окно. Удачно получилось, что я ее застукал, а иначе бы ей это злодеяние сошло с рук. Оливия-Энн испугалась, как бы я не донес на нее сестрице, и забормотала, что, мол, негоже держать взаперти божью тварь, но при этом обмолвилась, что ей канарейкин щебет – как серпом по мозгам. Пожалел я старуху, тем более что она мне два доллара дала, чтоб я ее не выдавал; пришлось помочь ей обставиться перед Юнис – что вы, я целую историю сочинил. Разумеется, я бы и за бесплатно ее выручил, но просто дал старухе возможность успокоить свою совесть.

Итак, не успел я войти в дом – Юнис тут как тут:

– И вот за это чудо ты выскочила, не спросясь нас, а, Мардж?

Мардж ей отвечает:

– Тетушка Юнис, да ведь он же писанный красавец, разве нет?

Юнис м-е-д-л-е-н-н-о смерила меня взглядом с головы до пят, а затем потребовала:

– Скажи ему – пусть задом повернется.

Стою, значит, я к ней спиной, а Юнис рассуждает вслух:

– Видать, ты отхватила самого мелкого и рыхлого поросля во всем помете. Боже правый, да это вообще не человек!

Вот так меня не оскорбляли еще ни разу в жизни! Ну, допустим, я не каланча, но мне ведь еще расти, вверх тянуться.

– Конечно же, он человек, – возражает ей Мардж.

Тут слово взяла Оливия-Энн, которая до сего момента стояла с разинутым ртом, куда свободно могли залетать мухи и беспрепятственно вылетать обратно.

– Сестрица дело говорит. Это не человек и даже не человекообразное существо. Я и помыслить не могу, что этот недомерок будет тут мельтешить и пытаться убедить нас в обратном! Черта с два! Он даже не мужского полу!

На что Мардж возмутилась:

– Ты, кажется, забываешь, тетушка Оливия-Энн, что это мой законный муж, отец моего будущего ребенка.

Юнис издала омерзительный рык, на какой способна только она одна, и говорит:

– Нашла чем бахвалиться.

Ну, не сердечный ли прием? Вот, спрашивается, чего ради я ушел из мелкооптовой торговли?

Но это ерунда по сравнению тем, что случилось аккурат в тот же вечер. После ужина, когда Блюбелл убрала со стола, Мардж самым что ни на есть уважительным тоном поинтересовалась у теток, можно ли нам взять их машину, чтобы съездить в Финикс посмотреть фильм.

– Ты, должно быть, с дуба рухнула, милочка, – отрезала Юнис.

Можно подумать, мы на ее «кимono» покусились.

– И впрямь, с дуба рухнула, – поддакнула Оливия-Энн.

– Это шесть часов езды, – продолжала Юнис, – а ты, коли подумала, что я позволю этому недомерку сесть за руль моего почти новехонького «шевроле» образца тридцать четвертого года и съездить хотя бы до нужника и обратно, в самом деле с дуба рухнула.

Немудрено, что после такой тирады Мардж расплакалась.

– Успокойся, родная, – говорю ей, – в свое время мне довелось и «кадиллаками» править.

– Ох, батюшки мои, – фыркнула Юнис.

– Ага, – подтвердил я.

– Да если ему в этой жизни довелось править чем-нибудь, кроме сохи, то я сожру десяток сусликов, зажаренных в скипидаре! – взвилась Юнис.

– Я не позволю вам так обращаться с моим мужем, – вступилась Мардж. – Ты бредишь, тетушка! С чего ты взяла, что я подобрала какого-то проходимца из проходного двора?

– Правда глаза колет, – фыркнула Юнис.

– И нечего перед нами дурочку ломать! – заверещала Оливия-Энн таким голосом, что я даже подумал, будто это не тетка блажит, а осел в соседнем дворе зазывает ослицу на случку.

– Знаешь ли, мы не вчера на свет родились, – затарахтела Юнис.

На что Мардж им отвечает:

– Да как вы не понимаете: я обручена с этим человеком, пока смерть не разлучит нас, три с половиной месяца назад, по закону, и соединил нас не кто-нибудь, а уполномоченный мировой судья. Кто угодно это подтвердит. А вдобавок, тетушка Юнис, мой муж не раб, он белый человек, и ему стукнуло шестнадцать. Более того, Джордж Фар Сильвестер не одобрит, что его отца третируют таким манером.

Джордж Фар Сильвестер – имя нашего будущего наследника. Неслабо, да? Только вот с учетом всего, что происходит, мне сейчас не до этого.

– Но как у девчонки может быть ребенок от девчонки? – вопрошает Оливия-Энн, чтобы еще сильнее уязвить мое мужское достоинство. – Это что-то новенькое.

– Ладно, хватит, – отрезала Юнис. – Про кино в Финиксе забудь.

– Так ведь там Джуди Гарленд⁵ играет, – всхлипнула Мардж.

– Не переживай, родная, – говорю ей, – я определенно видел эту картину в Мобиле лет десять назад.

– Врет и не краснеет! – вскинулась Оливия-Энн. – Мерзавец. Десять лет назад Джуди еще в кино не снималась.

За свои пятьдесят два года Оливия-Энн не посмотрела ни единой кинокартины (она нипочем не признается, сколько ей лет, однако я навел справки в Монтгомери⁶, где в капитолии штата охотно предоставили все интересующие меня сведения), но зато выписывает восемь киноальманахов. Если верить почтмейстерше Делэнси, никакая другая корреспонденция (бесплатные каталоги не в счет) на этот адрес вообще не приходит. Вдобавок я заметил у тетки нездоровое увлечение Гэри Купером⁷: сундук и два чемодана, набитых его фотографиями, говорят сами за себя.

В общем, встали мы из-за стола, а Юнис, доковыляв до окна и взглянув на персидскую сирень, говорит:

– Птицы устраиваются на ночлег – пора и нам на боковую. Ты, Мардж, ложись у себя в комнате, а для этого джентльмена мы раскладушку поставили на задней веранде.

⁵ Джуди Гарленд (1922–1969) – американская актриса и певица, лауреат премий «Золотой глобус», «Грэмми», «Тони» и Молодежной награды киноакадемии, дважды номинировалась на премию «Оскар». Мать актрис Лайзы Миннелли и Лорны Лафт.

⁶ Монтгомери – столица и второй по численности населения город штата Алабама.

⁷ Гэри Купер (1901–1961) – американский актер, сыгравший в сотне фильмов, получивший два «Оскара» за лучшую мужскую роль и почетный «Оскар» за общий вклад в развитие американского кино.

Не меньше минуты ушло на то, чтобы переварить слова этой старой гримзы.

– А что, осмелюсь спросить, мешает мне лечь с законной женой? – начал было я.

Как тетки разорались!

У Мардж – тут же истерика:

– Хватит, хватит, хватит! Я так не могу. Ступай, пупсик, ступай и ложись, где они говорят. А завтра посмотрим...

– Готова побиться об заклад, девочка наша не такая уж и дура, – заключила Юнис.

– Бедняжка, – засюсюкала Оливия-Энн, обняла Мардж за талию и прижала к себе, – бедняжечка, такая юная, такая невинная. Пойдем и хорошенько выплачемся на груди у Оливии-Энн.

Май, июнь, июль и большую часть августа я ютился и жарился на этой проклятой задней веранде, без полога, без навеса. А Мардж – она даже и рта не раскрыла, чтоб за меня вступить, ни разу! В этом районе Алабамы достаточно болотистая местность и полно комаров, да таких, что и буйвола сожрут, если тот на миг утратит бдительность; добавьте к этому опасных летающих тараканов и стада огромных крыс: запряги таких в телегу – они ее до Африки допрут. Эх, кабы не малыш Джордж, я б уже давным-давно сделал ноги по пыльной дороге. Заметьте: с самого первого вечера я и пяти секунд не провел наедине с Мардж. Не одна старуха, так другая постоянно таскается за ней как пришитая, а на той неделе они чуть с ума не сошли от злости, когда Мардж заперлась у себя в спальне, а меня не могли доискаться. На самом деле я всего-навсего наблюдал, как негры прессуют хлопок в тюки, но потом нарочно дал понять Юнис, что мы с Мардж кое-что себе позволили. И после этого случая они подрядили надзирать за нами еще и Блюбелл.

И за все это время – ни цента на сигареты.

Юнис изо дня в день проедает мне плешь разговорами о работе.

– Почему бы, – вопрошает, – этому мелкому безбожнику не найти себе честный заработок?

Как вы уже могли заметить, она никогда не обращается ко мне напрямую, даже когда я оказываюсь наедине с ее величеством.

– Родись это ходячее недоразумение мужчиной, оно бы попыталось самостоятельно прокормить нашу девочку, а не набивало бы себе брюхо чужими припасами.

Полагаю, вам следует знать, что в течение трех месяцев и тринадцати дней меня держат исключительно на холодном батате и ошметках каши; я уже дважды ходил на прием к доктору Картеру. Однако он затрудняется определить, есть у меня цинга или пока нет.

А что касается работы, хотел бы я посмотреть, как человек моих способностей, да еще с опытом работы на завидном месте в универмаге мелкооптовой торговли, найдет для себя что-нибудь подходящее в такой дыре, как Адмиралз-Милл. Единственную лавчонку держит здесь мистер Таббервиль, который настолько ленив, что аж корчится при необходимости что-то кому-то продать. Имеется еще баптистская церковь «Утренняя звезда», но там уже есть проповедник, вредный старый говнюк по фамилии Шелл, которого Юнис однажды притащила домой, чтобы определиться на предмет спасения моей души. Я своими ушами слышал, как он ей заявил, что я потерян навсегда.

Впрочем, это еще цветочки по сравнению с тем, как Юнис задурила голову моей жене. Она настропала Мардж против меня, и столь коварно, что словами не передать. Дошло до того, что жена стала мне дерзить, но своевременно прописанные пощечины сделали свое дело. Еще не хватало, чтобы жена обращалась со мной без должного уважения!

Враги смыкают ряды: Блюбелл, Оливия-Энн, Юнис, Мардж и все население Адмиралз-Милл (342 чел.). Союзники: отсутствуют. Это по состоянию дел на воскресенье, двенадцатое августа, когда было совершено реальное покушение на мою жизнь.

Вчера при полном безветрии стояла такая жарница, что камни плавилась. Катавасия началась ровно в два часа пополудни. Это я запомнил по той причине, что у Юнис есть ходики с нелепой кукушкой, которая ежечасно выскакивает наружу и пугает меня до полусмерти. Я никого не трогаю, сижу себе в гостиной: сочиняю песню и тут же подбираю на пианино, которое Юнис в свое время купила для Оливии-Энн, и в придачу наняла ей учителя музыки – тот раз в неделю перся к ним из Коламбуса, штат Джорджия. Почтмейстерша Делэнси, которая была со мной в друзьях, пока не решила, что поступает опрометчиво, рассказывала, как однажды учительшка вылетел из этого дома, будто за ним гнался сам Адольф Гитлер, без оглядки прыгнул в свой «форд» – и поминай как звали. В общем, сижу я себе в гостиной, никого не трогаю, и тут, даже не сняв с головы папильотки, вламывается Оливия-Энн и начинает орать:

– Прекрати эту бесовскую какофонию! Ни днем ни ночью от тебя покоя нет! Вылазь из-за пианино, кому сказано? Оно не твое, а мое, и если ты не перестанешь его терзать, я тебя засужу, глазом моргнуть не успеешь!

Ну завидует тетка, что у меня врожденные способности к музыке, а песни моего сочинения просто за душу берут.

– Полюбуйтесь, господин Сильвестер, во что превратились клавиши настоящей слоновой кости, – твердит она, ковыляя к пианино. – Ты их с мясом вырвал, чисто из вредности, вон что наделал!

А сама распрекрасно понимает, что еще до моего появления в доме инструменту этому самое место было на свалке.

На что я ответил:

– Все-то вы знаете, мисс Оливия-Энн, но я тоже не промах, и вас, очевидно, заинтересуют те истории, что я могу поведать. Кое-кто спасибо скажет за мои рассказы. К примеру, о печальной судьбе Миссис-Гарри-Стеллер-Смит.

Помните Миссис-Гарри-Стеллер-Смит?

Старуха заглохла и покосилась на пустую клетку.

– Ты же мне обещал... – начала она и прямо посинела, вот ужас-то.

– Может, – говорю, – обещал, а может, и нет. Вы поступили не по-христиански, обманув Юнис, однако же, если кое-кто оставит кое-кого в покое, то я, возможно, обо всем забуду.

И что вы думаете? Убралась она из гостиной тише воды ниже травы – чего еще желать? Прилег я на диван, в жизни не видал такой мерзкой рухляди. Диван этот – из гарнитура, который Юнис приобрела в тысяча девятьсот двенадцатом году в Атланте за две тыщи баксов наличными – ну, опять же, это она так говорит. Гарнитур обит черным плюшем с зелеными загогулинами и воняет мокрой курицей. В углу гостиной стоит необъятных размеров стол, который служит постаментом для портретов матери и отца Ю. и О.-Э. Папаша вроде даже солидный человек, но сдается мне (строго между нами), что у него в роду затесались черные. В Гражданскую войну он сражался в чине капитана – это я твердо усвоил благодаря сабле, которая красовалась над камином; сейчас и до нее дойдет речь. А мамаша с виду какая-то пришибленная, дурковатая – Оливия-Энн как раз в нее пошла, хотя у матери вид более достойный.

Только я задремал – слышу вопли Юнис:

– Где он? Где он?

И в следующий миг вижу, как она – бегемотиха такая, да еще руки в боки, – загородила собой дверной проем, а за спиной у нее все стадо копытится: Блюбелл, Оливия-Энн и Мардж.

Несколько секунд Юнис притопывала толстой босой ногой и обдувала жирную рожу картонной репродукцией с видом Ниагарского водопада.

– Где они? Где мои кровные сто долларов, которые он стянул, злоупотребляя моей доверчивостью?

– Ну, это уже ни в какие ворота не лезет. Мое терпение лопнуло, – выговорил я, но из-за жары так разомлел, что не смог без промедления вскочить с дивана.

– Сейчас у тебя кое-что другое лопнет, – голосит она, а у самой зенки вот-вот из орбит вылезут. – Деньги эти скоплены мне на похороны, и я требую их вернуть. Сразу видать: такой и мертвого оберет – не побрезгует.

– Так, может, это не он, – проямлила Мардж.

– А вас, девушка, не спрашивают, – отрезала Оливия-Энн.

– Это он, он стырил, как пить дать, – заключила Юнис. – Да вы в глаза ему загляните: черные, вороватые!

Я зевнул и ответил:

– Как говорят в суде, если одна сторона выдвигает ложные обвинения в адрес другой стороны, то первая сторона может быть заключена под стражу, даже если для защиты всех причастных лиц достаточно запереть первую сторону в психлечебнице штата.

– Бог правду видит, да не скоро скажет, – голосит Юнис.

– Сестрица, – распалилась Оливия-Энн, – коли не скоро, ужель мы без Него не управимся?

И Юнис как с цепи сорвалась – бросилась ко мне с неопишным выражением лица, подметая пол своей хламидой. Оливия-Энн засеменила чуть позади, а Блюбелл взвыла так, что этот вой, наверное, долетел до Юфалы⁸ и эхом вернулся обратно; Мардж тем временем стоит поодаль, заламывает руки и скулит:

– Ну пожалуйста, пупсик, отдай ты ей эти деньги.

В ответ я только и сказал:

– *Et tu, Brute?*⁹ – (Это из Шекспира.)

– Нет, вы на него полюбуйтесь, – заводит Юнис, – отлеживает тут задницу изо дня в день, даже марки почтовой не лизнет.

– Жалкая личность, – кудахчет Оливия-Энн.

– Можно подумать, ребенка вынашивает он, а не бедная наша девочка, – продолжает Юнис.

А Блюбелл поддакивает:

– И то правда.

– Неужто, – говорю, – закопченные кастрюли пришли котелку за черноту пенять?

– И как этому мерзавцу наглости хватает оскорблять меня в моем же доме, где он проедается три месяца кряду? – орет Юнис.

Я аккуратно стряхиваю пепел с рукава и не моргнув глазом отвечаю:

– Доктор Картер диагностировал у меня тяжелую форму цинги, а потому нервничать мне противопоказано, иначе изо рта пена хлынет и я, не ровен час, кого-нибудь укушу.

И тут Блюбелл осмелела:

– А почему б ему не вернуться к своему отребью, в Мобил, мисс Юнис? Я уж запарилась ведро за ним выносить.

Лучше бы эта черномазая молчала, потому как своим выпадом она меня взбесила так, что в глазах потемнело.

Внешне спокойный как удав, поднимаюсь я с дивана, вытаскиваю из подставки зонт – и давай лупить черномазую по башке, пока зонт не переломился точнехонько пополам.

– Ах, мой шелковый японский зонтик! – заверещала Оливия-Энн.

Мардж – в слезы:

– Ты убил Блюбелл, убил несчастную Блюбелл!

Юнис толкает Оливию-Энн в бок:

⁸ Юфала – город в штате Флорида.

⁹ В трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (д. 3, явл. 1) с такими словами умирающий Цезарь обращается к Бруту, находившемуся в числе заговорщиков, напавших на него в Сенате.

– Не иначе как он спятил, сестрица! Беги! Беги за мистером Таббервилем!

– Не люблю я мистера Таббервиля, – заявляет Оливия-Энн. – Побегу лучше за своим тесаком.

И только она рванулась к дверям, как я, почуяв смертельную опасность, повалил ее коронным блокирующим захватом. Но при этом сильно потянул спину.

– Он ее ужокошит! – завывла Юнис, да так пронзительно, что оконные стекла задребезжали. – Он всех нас ужокошит! Я тебя предупреждала, Мардж! Быстро, дитя, подай-ка мне отцовский клинок!

И Мардж, сняв со стены саблю, протягивает ее Юнис. Извольте: преданность жены мужу! Дальше – больше: Оливия-Энн саданула мне по колену, да так, что я волей-неволей ослабил захват. В следующий миг она уже мчалась по улице и распевала:

*– Я увидел, как во славе сам Всевышний нам предстал и могучею стопою
гроздь гнева разметал...¹⁰*

Тем временем Юнис носилась по гостиной, размахивая саблей направо и налево, – я едва успел на пианино забраться. Тогда она взгромоздилась на круглый стул-вертушку (как он уцелел под весом этого чудовища – загадка).

– А ну слезай, – орет, – подлый трус, покуда я тебя на фарш не порубила! – и наносит удар саблей: царапина с полпальца осталась, могу показать.

К этому моменту Блюбелл уже оклемалась – и шмыг на улицу вслед за Оливией-Энн. Думаю, они всерьез вознамерились меня порешить, и один бог знает, чем бы кончилось дело, если бы Мардж не грохнулась в обморок.

Вот и все, что я могу сказать о ней хорошего.

Дальнейшее точно изложить не берусь; помню только, как нарисовалась вооруженная здоровенным тесаком Оливия-Энн во главе оравы соседей. Но коль скоро гвоздем программы стала Мардж, ее, наверное, сообща поволокли в спальню. В общем, стоило им отойти, как я немедленно забаррикадировался.

Завалил дверь вонючими черно-зелеными креслами, придвинул огромный стол красного дерева, весом в пару тонн как минимум, а до кучи – стойку для шляп и прочий хлам. Окна закрыл, опустил шторы. Весьма кстати нашел пятифунтовую коробку вишни в шоколаде, «Сладкая любовь» называется, и только что надкусил сочную, мягкую вишенку. Время от времени кто-то барабанит в дверь с другой стороны, голосит и умоляет. То-то же, вон как теперь запели. Ну а я что... я, в свою очередь, то и дело наигрываю им какой-нибудь мотивчик – пусть не сомневаются: настроение у меня превосходное.

Перевод Е. Петровой

¹⁰ Начало американской патриотической песни «Боевой гимн Республики», написанной в форме протестантского религиозного гимна.

Суеверие Причера

(1945)

Плывущая к югу туча заслонила солнце: темный островок тени навис над полем и медленно пополз через гору. А вскоре полил дождь. Летний дождь в солнечный день идет недолго – но и его достаточно, чтобы прибить пыль и отполировать листву. Когда дождь закончился, старый негр – звали его Причер – открыл дверь хижины и обвел взглядом поле, где из жирной земли буйно лезли сорняки, и каменистый двор, купающийся в тени персиковых деревьев, кустов кизила и сирени, потом поглядел на утрамбованный глинистый тракт, где редко появлялись не только машины и повозки, но даже и путники, и наконец устался на выгнувшуюся дугой грядой зеленых гор, что тянулись, наверное, до самого края земли.

Причер был мал ростом, можно сказать недомерок, и все его лицо покрывала сетка морщин. Из его синеватого черепа торчали клоки серебристой шерсти, а в глазах затаилась печаль. Годы настолько его согнули, что он напоминал ржавый серп, а его коричневая кожа была с желтоватым отливом, как у сыромятного ремня первой классной выделки. Он оглядывал свою запущенную ферму и задумчиво поглаживал пальцами подбородок, хотя, по правде сказать, никакие мысли его не посещали.

Было, как всегда, тихо, но на прохладном воздухе Причеру стало зябко, и он вернулся в хижину, устроился в кресле-качалке и, обернув ноги красивым лоскутным одеялом в зелено-розовую клетку с красными листьями, уснул. Тишину в доме нарушал только рвавшийся в распахнутые настежь окна ветер, теребивший яркие листы календарей и шуршавший вырезками комиксов, которыми он украсил стены своего жилища.

Через четверть часа Причер пробудился, потому как он никогда не засыпал надолго и все дни его давно превратились в череду коротких периодов сна и бодрствования, тьмы и света и мало чем отличались друг от друга. И хотя в доме было не слишком холодно, он разжег огонь в очаге, набил свою трубочку и стал, раскачиваясь в кресле, оглядывать комнату. На железной двуспальной кровати лежали внавалку одеяла и подушки, и вся она была усыпана чешуйками облупившейся розовой краски; отломанный подлокотник его кресла висел на честном слове и уныло постукивал; красивый рекламный плакат с золотоволосой девушкой, держащей в руке бутылку лимонада, прорвался в том месте, где у девушки был рот, отчего ее улыбка смахивала на блудливую ухмылку. Взгляд Причера остановился на плите в углу. Он проголодался, но от вида закопченной и покрытой угольной пылью плиты, заставленной горой грязных кастрюль, ему было невмозготно даже подумать о стряпне. «А что я могу, ничего я не могу! – сердито отрезал он – так иные старики привычно препираются сами с собой. – Мне до смерти надоела и капуста, и прочая дрянь. Буду вот так сидеть, пока не подохну с голоду, – вот что меня ждет! Готов поставить последний доллар на то, что ни одна собака не будет горевать по этому поводу, никак нет!» Эвелина, вот та была чистюля, аккуратистка, заботливая... но она умерла и уже две весны как лежит в земле. А из всех их детей осталась одна Анна-Джо, которая нашла хорошую работу в Сайпрес-Сити: мало того что жилье есть, так еще может каждый вечер веселиться сколько захочет. Во всяком случае, Причеру нравилось так думать.

Он был очень религиозный. И когда день стал клониться к вечеру, он снял с полки Библию, раскрыл и стал водить по строчкам трясущимся сухим пальцем. Ему нравилось делать вид, будто он читает, и он растягивал удовольствие: разглядывал иллюстрации и сочинял свои собственные предания. Эвелину эта его привычка всегда раздражала. «Ну и чего ты все время пялишься в Писание, а, Причер? Я же знаю, что у тебя мозгов для этого маловато... Ты же читать умеешь не больше моего!»

«Ну что ты, солнце мое, – возражал он, – каждый может читать Добрую Книгу. Господь так все складно написал, что всякий может!» Такое разъяснение он как-то услышал от пастора в Сайпрес-Сити, и оно его вполне устроило.

Когда солнце нарисовало ровное пятно от окна до двери, он закрыл Библию, заложив страницу пальцем, и проковылял на порог. С потолка на проволочках свисали синие и белые горшки с папоротником, чьи длинные стебли стлались по полу, точно распущенные павлиньи хвосты. С превеликой осторожностью, прихрамывая, он медленно спустился по ступенькам, вырубленным из древесных стволов, и встал посреди двора, сгорбленный, тщедушный в своем рабочем комбинезоне и рубашке цвета хаки. «Вот он я. Уж и не думал, что получится. Не думал, что сегодня найду в себе силы».

В воздухе пахло влажной землей, и ветер ерошил листву кизилевых кустов. Закричал петух, и его алый гребешок на миг взметнулся над высоким бурьяном и исчез за домом.

– Ты беги-беги, петушок, а не то возьму свой секач да оттяпаю тебе башку, так что ты поберегись! Но супчик из тебя вышел бы на славу! – Острые стебельки защекотали его босые ступни, он остановился и, зажав в ладони пучок травы, дернул. – А, бесполезно... Все равно ты тут же отрастешь снова, негодная трава!

Кизилевые кусты у дороги вовсю цвели, и дождь разбросал лепестки, которые мягко касались босых ног и застревали между пальцев. Причер брел, опираясь на палку, вырезанную из ветки сикоморы. Перейдя через дорогу и миновав заросли дикого пекана, он, по обыкновению, выбрал тропку, ведущую через лес к ручью и напрямиком к *Тому месту*.

То же самое путешествие, тем же самым путем, в то же самое время: ближе к вечеру, – потому что так ему было проще достичь поставленной цели. Эти прогулки начались однажды в ноябре, когда он пришел к своему *Решению*, и продолжались всю зиму, когда землю прихватило морозом и мерзлые сосновые иголки липли к ступням.

Теперь был месяц май. Прошло полгода, и Причер, который родился в мае и женился в мае, подумал, что в этом же месяце суждено закончиться его миссии. Он верил, что именно сегодняшний день отмечен неким знаком, поэтому сегодня он ковылял по своей тропе быстрее обычного.

Солнечный свет собирался длинными пучками, путался у него в волосах и перекрашивал испанский лишайник, свисающий длинными поникшими усами с веток, заставляя серое превращаться в перламутровое, а потом в голубое и снова в серое. Застрекотала цикада. На ее стрекот тотчас откликнулась другая.

– А ну цыц, жуки! Чего это вы расшумелись? Одиноко вам, что ли?

Тропинка все норовила сбить его с толку, и иногда, оттого что на самом деле это была всего лишь узенькая полоска утоптанной земли, он терял ее из виду. Вдруг тропка резко спустилась в лощину, где пахло сладкой смолой, – отсюда начинался самый трудный отрезок пути: в густых зарослях дикого винограда было темно хоть глаз выколи, и кто-то, а кто – Бог ведает, грозно раскачивал нависающие с обеих сторон тяжелые ветки...

– А ну кыш оттудова, черти! Ваше поганое отродье не может напугать Причера. И вы, чертовы призраки, поберегитесь! Причер идет! Вот он вам башку раскроит, да кожу сдерет, да зенки выколет и все ваше отродье отправит в геенну огненную!

И все же его сердце заколотилось сильнее, и палка грозно застучала по тропе, словно кому-то в предостережение; а зверь затаился где-то позади; и ужасные глаза, горящие адским огнем, зыркали из невидимого логовища.

Эвелина, насколько он помнил, в духов не верила, и это всегда его раздражало. «Замолчи, Причер, – бывало, говорила она, – я больше слышать не хочу твои дурацкие бредни про призраков. Нету никаких призраков, разве что в твоей глупой башке!» О-хо-хо, какая же она сама была глупая, ибо теперь, Господь в небесах свидетель, она обреталась среди хищников с голодными глазами, таящихся во мраке. Он прислушался и позвал: «Эвелина? Эвелина... отзовись,

солнце мое!» И поспешил дальше, вдруг испугавшись, что настанет час, и она услышит его зов и, не ведая, кто это, сожрет его заживо.

Скоро послышалось журчанье ручья. От ручья до *Того места* оставалось пройти всего-то несколько шагов. Он раздвинул колючие кусты крапивы и, кряхтя от натуги, спустился к берегу, пересек поток, с заученной точностью ступая по камням. Косячки голянов нервно метались на прозрачном мелководье, изумрудные стрекозы цеплялись за водную гладь. На противоположном берегу колибри, треща невидимыми крыльями, пронзал клювом сердце огромной тигровой лилии.

Тут деревья поредели, а тропинка, расширившись, выбежала на вырубку, похожую на полый кубик посреди леса. Вот оно, Причерово *То место*. Раньше, еще когда лесопилка работала, здесь стояла женская помывочная, но это было очень давно. Стайка ласточек пронеслась над головой, и тут же невдалеке послышалась чудное, настойчивое пенье неведомой птицы.

Причер выбился из сил и запыхался. Он упал на колени и прислонил палку к сгнившему дубовому пню, из которого гроздьями торчали шапки дождевиков. Потом, раскрыв Библию на странице, заложенной серебряной ленточкой, он сложил руки и поднял голову к небу.

Прождав в молчании несколько минут, он сощурился, вглядываясь в небесный свод и в дымные космы облаков, которые, точно клоки льняной пакли цвета матового стекла, едва заметно плыли по голубой тверди.

А потом позвал шепотом:

– Миста Исус! А, миста Исус?

Ему ответил ветер, взметнув вихрь созревших за зиму листьев, которые завертели колесами по зеленому ковру мха.

– Я вернулся, миста Исус, как и обещался, минута в минуту. Прошу вас, сэр, обратите свой взгляд на старого Причера.

Уверенный, что его слова услышаны, он печально улыбнулся и помахал рукой. Настала пора поведать все, что у него на душе. И Причер рассказал, что очень стар, а сколько ему – девяносто, а может, и сто, – он и сам не знает. И что он давно забросил свою ферму, и что в доме никого нет. А если бы кто из семьи с ним сейчас жил, тогда все могло бы быть по-другому. Осанна! Но Эвелина скончалась, а что с их детьми? Где они все: Билли-Бой, и Жасмин, и Лэндис, и Лерой, и Анна-Джо, и Бьютифул-Лав? Кто-то в Мемфисе, и в Мобиле, и в Бирмингеме, а кто-то и в могиле. В общем, никого не осталось. Они бросили землю, на которой он все жизнь работал от зари до зари, и теперь поле запущено, и ему так страшно по ночам в старом доме, потому что вокруг ни души: козодой на дереве – вот и вся его компания. И как же это жестоко – удерживать его здесь, когда он мечтает соединиться с другими, где бы они ни были.

– Слава тебе, миста Исус. Я такой старый, как самая старая черепаха, даже старее...

В последнее время он заимел привычку возносить свою мольбу по многу раз, и чем дольше он молился, тем все громче и все требовательнее звучал его голос, и в конце концов он зашелся свирепым пронзительным криком, который распугал соек, наблюдавших за ним с сосновых веток.

Он резко осекся, склонил голову и прислушался. Снова повторился этот странный, тревожный звук. Он поглядел направо, потом налево и вдруг узрел чудо: прямо на него, выходящая над зарослями кустов, наплывала огненная голова, покрытая ярко-рыжими курчавыми волосами, и изумительной красоты борода окаймляла нижнюю часть лица. Хуже того: ему явился и второй лик – тот был чуть бледнее, но еще более сияющий – и медленно двигался следом за первым.

От страха и изумления лицо Причера онемело и он застонал. Никто и никогда еще во всем округе Калупа не слышал столь печального стона. На вырубку из кустов выскочил черный с коричневыми подпалинами охотничий пес; он свирепо рычал, и с его клыков свисали длин-

ные слюни. А потом из тени появились двое незнакомых мужчин, одетых в зеленые рубахи с расстегнутым воротом и в подтяжках из змеиной кожи, на которых держались плисовые штаны. Оба были невысокие, но крепко сложенные и широкоплечие, один курчавый, с видной огненно-рыжей бородой, а другой желтоволосый, с гладко выбритыми щеками. Они несли подвешенную к бамбуковой жерди убитую рысь, и на плечах у обоих болтались длинные ружья.

Только этого Причеру и не хватало! И он снова издал громкий стон, мигом вскочил на ноги и, точно перепуганный кролик, порскнул в лес и помчался по тропинке. Он так спешил, что даже забыл свою палку у старого пня, а его Библия так и осталась лежать раскрытая на мху. Собака бросилась к пню, обнюхала книгу и пустилась в погоню.

– Что это за дьявольщина? – спросил Курчавый, поднимая Библию и палку.

– Чертовщина какая-то! – отозвался Желтоволосый.

Они взвалили на плечи жердь, к которой рысь была накрепко привязана за лапы, и Курчавый сказал:

– Теперь надо догнать этого чертова пса...

– Это верно, – согласился Желтоволосый. – Вот токо мне бы передохнуть малость... Я себе волдырь натер с кулак! Болит – мочи нет!

Покачиваясь под тяжестью ружей и добычи, они затянули песню и двинулись к темнеющим соснам, и лучи заходящего солнца отражались в остекленевших золотистых глазах рыси и плясали в них огненными бликами.

Тем временем Причер уже одолел приличное расстояние. Он не бегал так резво с того самого дня, как за ним погналась змея-обруч¹¹ и чуть не отправила в самое Царствие Небесное. Из старой развалины он превратился в скорохода и мчался сломя голову. Ступни его уверенно и упруго отталкивались от земли, и, между прочим, тот болевой желвак в спине, что последние лет двадцать не давал ему житья, сразу рассосался без следа. Он и не заметил, как миновал темную лощину, а потом вприпрыжку перемахнул через ручей, да так проворно, что только промокшие штанины комбинезона хлопали, словно крылья большой птицы. О да, он несся, подгоняемый великим страхом, и топот его ног разносился по лесу грозным барабанным боем.

А когда он добежал до кизилового дерева, его и осенило. Пришедшая в голову мысль была настолько беспощадной и ошеломительной, что Причер споткнулся и налетел на дерево, оросившее его дождевыми каплями, отчего он еще больше перепугался. Он потер ушибленное плечо, облизал губы и кивнул:

– Отец мой Небесный, за что же мне это?

О да, да, он догадался. Он знал, кто такие эти незнакомцы, – спасибо Доброй Книге, но это знание, вопреки ожиданиям, не принесло ему успокоения.

Поэтому он поднялся, рысцой пересек двор и взбежал по ступенькам.

На крыльце он обернулся и поглядел в сторону леса. Все было тихо, спокойно: никакого движения, только тени рыскали вдалеке. Над горной грядой веером распускались сумерки. Поля и деревья, кустарники и лозы словно подернулись сеткой, наливаясь пурпурным и розовым цветом, а низкорослые персиковые деревья окрасились серебристо-зеленым. Невдалеке послышался собачий лай. Причер прикинул, хватит ли ему силенок пробежать несколько миль до Сайпрес-Сити, и тут же понял, что это его не спасет.

– Ни за что в жизни!

Закрывать дверь, задвинуть засов – и порядок! Теперь окна... Ах ты, ставни-то давно сломаны и оторваны.

¹¹ По поверьям американских фермеров, мифическая ядовитая змея, которая, ухватив себя за хвост, сворачивается в кольцо и на огромной скорости катится за жертвой.

Так он стоял посреди хижины, беспомощный, обреченный, и тарашился на квадратные проемы, в которые снаружи через подоконник лезли стебли вьюнка. Что же делать?

– Эвелина?.. Эвелина! Эвелина!

Но в ответ послышался лишь шорох мыши за стеной да шелест календарного листа под игривыми наскоками ветра.

Тогда он, яростно бормоча, заметался по хижине и начал прибирать разбросанные вещи, смахивать пыль по углам да кому-то грозить:

– Эй вы, пауки-дураки да тараканы-смутьяны, а ну, брысь отсюда! Ко мне идут гости, осененные могучей властью и славой...

Он запалил медную керосиновую лампу (подарок Эвелины на Рождество 1918 года) и, когда пламя разгорелось, поставил ее на полку над очагом возле выгоревшей фотокарточки (ее сделал бродячий фотограф, появлявшийся в этих краях раз в год), на которой можно было различить пухлощекое лицо цвета кока-колы: Эвелина улыбалась, и ее волосы были перетянуты полоской белых кружев. Потом он взбил атласную подушечку (Главная премия за лоскутное изделие, которую Бьютифул-Лав получила на фольклорной ярмарке 1910 года) и гордо бросил ее в качалку. Больше делать было нечего, он поворошил кочергой огонь, подбросил в очаг еще поленце, сел в качалку и стал ждать.

Ждал он недолго. Скоро послышалось пение: басовитые голоса разухабисто горланили песню, которая гулким эхом разносилась по всей округе:

– *Я проработал на желе-е-езной доро-о-о-оге всю свою долгую жизнь...*

Причер, закрыв глаза и торжественно сложив руки на коленях, мысленно отмерял вехи их веселого путешествия: прошли через заросли пекана... вышли на дорогу... зашли под крону мелии...

(Говорили, что накануне папиной смерти в комнату невесть откуда влетела огромная птица с красными крыльями и страшным клювом, покружила над его кроватью и, прежде чем кто слово успел вымолвить, исчезла.)

И Причер теперь ожидал такого же знамения.

Они поднялись на крыльцо: их сапоги тяжело ступали на просевшие ступеньки. Он вздохнул, услышав стук в дверь. Придется впустить их в дом. Он улыбнулся Эвелине, мельком вспомнил о своих непутевых отпрысках, потом медленно, нехотя дохромал до двери, отодвинул засов и открыл.

Курчавый, тот, что с длинной оранжево-рыжей бородой, первым шагнул через порог и обтер шейным платком квадратное загорелое лицо. Он отдал старику честь, приложив руку к невидимой фуражке.

– Добрывечер, миста Исус, – произнес Причер, низко, сколько смог, поклонившись.

– Добрый! – отозвался Курчавый.

За ним вразвалочку вошел и Желтоволосый, весело насвистывая и засунув руки в карманы плисовых штанов. Он молча смерил Причера взглядом.

– Добрывечер, миста Святой, – сказал Причер, произвольно расставив их в небесной иерархии.

– Здоровки!

Причер суетливо кружил вокруг них, пока все не расположились перед пылающим очагом.

– Как чувствуете себя, джентмены? – спросил он.

– Не жалуемся, – ответил Курчавый, с веселым изумлением разглядывая вырезки комиксов и календарь с полуголой девицей на стене. – А ты, дед, на девок заглядываешься!

– Нет, сэр! – важно ответил Причер. – Девицы меня не интересуют, нет, сэр! – И для верности энергично замотал головой. – Я же христианин, миста Исус, истинно верующий баптист, добрый прихожанин церкви Утренней Звезды в Сайпрес-Сити.

– Не обижайся, дед! – сказал Курчавый. – Как тебя звать?

– Звать? Как же, миста Исус, вы разве не знаете, что я Причер? Тот Причер, который беседует с вами, почитай, уж целных полгода.

– А, ну как же, как же... – Курчавый по-свойски хлопнул старика по спине. – Конечно знаю!

– Что это за хрень? – воскликнул Желтоволосый. – Что вы мелете?

– Да сам не пойму, – пожал плечами Курчавый. – Слушай, Причер, у нас сегодня был трудный день, и что-то в горле пересохло... Не поднесешь?

Причер лукаво улыбнулся, воздел руки и заявил:

– Я в жизни ни капли в рот не брал, чесслово!

– Да я про воду, дед. Простой воды у тебя не найдется?

– И чистый черпачок! – добавил Желтоволосый. Парень этот был привередливый и, по всему видно, раздражительный, несмотря на внешнюю веселость. – А зачем ты такой огонь развел, а, дед?

– Чтоб здоровье укрепить, миста Святой. Знобит меня очень сильно.

– Эти цветные все одинаковые... – пробурчал Желтоволосый. – Как будто их на конвейере клепают! Вечно болеют и вечно выдумывают всякую чушь!

– Я не болею! – возразил Причер, просяив. – Я чувствую себя очень хорошо! Так хорошо, что лучше и не бывает. – Он погладил подлокотник кресла-качалки. – Идите-ка посидите в моей качалке, миста Исус. Видите эту подушечку? Миста Святой, а вы на кровать присядьте!

– Благодарствую.

– С удовольствием присяду, спасибо.

Курчавый был постарше и посимпатичнее: ладная голова, крепко сидящая на шее, округлое волевое лицо, голубые глаза, бесхитростный прямой взгляд. А уж борода была поистине великолепная. Он сел в качалку, широко расставив ноги и закинув одну на подлокотник. Желтоволосый, у которого лицо было побледнее и очерчено поострее, устало рухнул на кровать и стал мрачно оглядываться по сторонам. Пламя потрескивало в очаге, навевая сон, керосиновая лампа тихо шипела.

– Так думаю, надо мне собрать манатки? – еле слышно поинтересовался Причер.

Ответа не последовало, и тогда он расстелил в дальнем углу свое лоскутное одеяло и молча, чуть смущаясь, сложил на него фотографию Эвелины, свою трубочку, потом зеленую бутылку, в которой когда-то было налито вино из дикого винограда – подарок на какой-то день рождения, – а теперь лежали семь розовых камешков, приносящих удачу, вперемешку со слоем пыли и обрывками паутины, потом пустую коробку из-под леденцов и другие дорогие его сердцу вещицы. Напоследок он порылся в пахнущем старостью комодe из кедровой доски, выудил шапку из лоснящейся беличьей шкурки с хвостиком и нацепил на голову. Добрая была шапка и теплая, а в предстоящем путешествии ему могло быть холодно.

Пока старик занимался сборами, Курчавый ковырял в зубах куриным перышком, которое подобрал с пола, и, удивленно хмурясь, наблюдал за его действиями. Желтоволосый опять стал насвистывать, но какую мелодию он пытался насвистеть, понять было трудно.

Время тянулось, и Причер как ни в чем не бывало занимался своим делом. Курчавый кашлянул и сказал:

– Надеюсь, ты не забыл, дед, что мы попросили попить. Были бы очень благодарны за пару стаканов воды!

Причер доковылял до ведра с колодезной водой, стоящего среди мусора за плитой.

– Вроде как совсем у меня память прохудилась, миста Исус. Вроде как я в дом-то вошел, а голову снаружи оставил.

Он взял две сухие тыковки и до краев наполнил их водой. Выпив залпом, Курчавый обтер губы и сказал:

– Вот и славно! – Он принялся раскачиваться в кресле, и подошвы его сапог размеренно и усыпляюще зашаркали по земляном полу.

Руки Причера дрожали, когда он взялся за концы одеяла, чтобы связать их в узел, и ему это удалось лишь с пятой попытки. Потом, поставив полено на попа, он сел на него между двумя мужчинами, так что его короткие ноги едва дотягивались до пола. Порванный рот золо-товолосой девицы с бутылкой лимонада в руках криво улыбался ему сверху, а отблески огня из очага выписывали красивые орнаменты на стенах. Сквозь окна без рам доносилась перекличка насекомых в траве и знакомая какофония ночных звуков, которые Причер слышал всю жизнь. Какой же красивой сейчас показалась ему хижина, каким милым обернулось все то, что он так терпеть не мог. Как же он ошибался! Дурак, набитый дурак! Да никуда он отсюда не двинется, ни теперь, ни после. Но перед его взором неумолимо стояли четыре ноги в сапогах, а позади них дверь.

– Миста Исус, – начал он осторожно, – я тут обдумал это дело и вот пришел к выводу, что совсем мне не хочется идти с вами!

Курчавый и Желтоволосый удивленно переглянулись, а Желтоволосый встал с кровати и, склонившись над Причером, спросил:

– Чегой-то с тобой, а, дед? Тебе плохо?

Смертельно устыдившись, Причер забормотал:

– Прошу вас, сэръ, премного звиняюсь... Я не хочу никуда идти!

– Слушай, дед, говори толком, – добродушно поморщился Курчавый. – Если ты заболел, мы тебе вызовем врача из города.

– Хотя смысла нет, – продолжал Причер. – Коли настало мое время, так уж настало... Но я был бы вам очень благодарен, если б вы позволили мне еще немного пожить.

– Да мы ж хотим тебе помочь! – сказал Желтоволосый.

– Точно! – подтвердил Курчавый и смачно плюнул в огонь. – А ты упертый старик, вот что я тебе скажу. Ты думаешь, мы со всеми так цацкаемся, когда предлагаем помочь? Да никогда!

– Спасибо, конечно, миста Исус. Я понимаю, что и так причинил вам много лишних хлопот.

– Ну-ка, рассказывай, дед, – стал настаивать Желтоволосый, и его голос немного смягчился. – Что случилось? У тебя неприятности из-за бабы?

Курчавый заметил:

– Да хватит с ним шутковать! Дед, видать, просто перегрелся на солнце. Дело ясное. А иначе я уж и не знаю, что с ним... Первый раз в жизни такое вижу.

– И я, – кивнул Желтоволосый. – Никогда не знаешь, что могут выкинуть эти старые негры. Не успеешь глазом моргнуть, как они слетают с катушек...

Причер сгибался все ниже и ниже, пока наконец чуть ли не сложился вдвое, и его подбородок задрожал.

– Сначала задал стрекача, будто увидал самого черта, – процедил Желтоволосый, – а теперь глянь: что вообще с ним происходит?

– Все не так! – воскликнул Причер, и его глаза чуть не вылезли из орбит. – Я узнал вас – вы из Добрай Книги! А я добрый человек! Такой добрый, что лучше не бывает! Я никогда никому не делал ничего дурного!

– Да ну его, – поморщился Желтоволосый. – С меня хватит! Дед, с тобой говорить – только время зря терять!

– Это точно, – подтвердил Курчавый.

Причер склонил голову и смахнул с лица беличий хвостик.

– Я знаю, – сказал он, – да, сэр, я знаю. Я всю жизнь жил как набитый дурак. Верно говорится в Евангелии. Но если вы позволите мне остаться, я выдерну все сорняки в огороде и в поле и снова займусь фермой, а потом скажу Анне-Джо, чтоб она вернулась домой ухаживать за своим отцом, как ей и полагается.

Курчавый дернул себя за бороду и щелкнул подтяжками. Его ясные голубые глаза смотрели в упор на Причера. Наконец он процедил:

– Я не понял ни слова!

– Да все ясно, – сказал Желтоволосый. – В него бес вселился и теперь бегаает внутри, угомониться не может.

– Я истинно верующий баптист, – напомнил Причер. – Прихожанин церкви Утренней Звезды в Сайпрес-Сити. И мне семьдесят лет.

– Вот что, дед, – сказал Желтоволосый, – тебе лет сто и ни днем меньше. Так что нечего заливать – все ведь записывается в большую черную книгу там, наверху. Ты это учти!

– Бедный я грешник! – запричитал Причер. – Ну разве ж я не бедный грешник?

– Ну, – пожал плечами Курчавый, – этого я не знаю. – Он улыбнулся, поднялся с качалки и зевнул. – Вот что я скажу. Я так проголодался, что готов съесть даже мухомор. Пойдем, Джесси, поторопимся домой, пока женщины не снесли наш ужин в свинарник.

– Господиисусе! – сказал Желтоволосый. – Да я ногой не могу шевельнуть. Этот волдырь просто огнем горит! – И, повернувшись к Причеру, добавил: – Похоже, дед, придется нам оставить тебя одного с твоими печальями!

На что Причер ухмыльнулся, так что стали видны четыре верхних зуба и три нижних (и даже золотая коронка, которую Эвелина подарила ему на Рождество 1922 года). Он яростно заморгал, а потом, почти пританцовывая, как преждевременно состарившийся мальчуган, бросился открывать дверь и упросил мужчин позволить ему поцеловать им руки на прощанье.

Курчавый сбежал по ступенькам, потом вернулся и вручил Причеру Библию и палку. Желтоволосый дожидался его во дворе, где вечер уже набросил на землю бледный занавес.

– Не выпускай это из рук, дед! – наказал Курчавый. – И смотри больше не попадайся нам на глаза в сосновом лесу. Такой дряхлый старик, как ты, может легко попасть в беду. Но с тобой теперь все будет хорошо!

– Хи-хи-хи, – захихикал Причер. – Теперь уж точно будет, сэр! Спасибо вам, миста Исус, и вам, миста Святой... Спасибо! И ведь никто не поверит, если кому рассказать...

Они забросили ружья за плечи и подхватили жердь с убитой рысью.

– Удачи тебе, дед! – сказал Курчавый. – Мы еще вернемся как-нибудь попить водички.

– Долгой тебе и веселой жизни, старый козел! – бросил Желтоволосый, и оба двинулись через двор к дороге.

Причер, глядя на них с порога, вдруг вспомнил и крикнул:

– Миста Исус, а, миста Исус! Сделайте еще одну милость, был бы вам очень благодарен, если бы вы выбрали время и нашли там мою старуху... ее зовут Эвелина... передайте ей привет от Причера и скажите, что у меня все хорошо...

– Как токо – так сразу, дед! – кивнул Курчавый, а Желтоволосый заливисто расхохотался.

Их удаляющиеся тени повернули на дорогу, а черный с коричневыми подпалинами пес вылез из овражка и опрометью кинулся за ними. Причер крикнул им вслед: «Прощайте!» – и помахал рукой. Но они слишком громко смеялись и не расслышали его крика, и смех их прилетал обратно на крыльях ветра даже после того, как они скрылись за горным кряжем, где светлячки вышивали крошечные звездочки на синем полотнище неба.

Дерево ночи

(1945)

Была зима. Снизка голых лампочек, из которых будто выкачали весь жар, освещала холодный сквозной полустанок. Недавно прошел дождь, и теперь по застрехам станционного здания гнусными зубьями какого-то стеклянного чудища торчали сосульки. По платформе – совершенно одна – бродила молодая, довольно высокая девушка. Волосы, расчесанные на прямой пробор и аккуратно выложенные валиками по щекам, были густого светло-русого тона; и при чересчур, пожалуй, худом и узком лице она была все же пусть и не чересчур, но мила. Кроме пачки журналов и сумочки, на которой витиеватой латунией было выведено «Кей», она почему-то держала броско-зеленую гитару.

Поезд, плюясь паром, слепя, вылетел из темноты, с разгону осекся, Кей подобрала свое имущество и влезла в последний вагон.

Вагон хранил остатки прежней роскоши: древние красно-плюшевые сиденья в проплешинах, облупленная, ядовито-желтая деревянная обшивка. Старинная медная лампа, вделанная в потолок, выглядела романтично и неприкаянно. Унылый мертвый дым плыл под лампой, и перегрелая спертость обостряла составную вонь объедков, яблочных огрызков, апельсиновой кожуры; весь этот мусор, вместе с бумажными стаканчиками из-под соды, искромсанными газетами, усеял весь проход. Питьевой фонтанчик в стене ронял неизбывную струйку на пол. Вскидывавшим на Кей усталые глаза пассажирам это, кажется, ничуть не мешало.

Преодолев искушение зажать нос, Кей пробиралась по проходу и только раз споткнулась, правда не упав, о вытянутую ногу дремотного толстяка. Двое мужчин проводили ее внимательным взглядом; да еще мальчонка вскочил и орал: «Ой, мамка, глянь, банжа какая! Тетенька, дай на банже поиграть!» – покуда мамка его не угомонила шлепком.

Было только одно свободное место. Кей его нашла в самом конце вагона, в отдельной выгородке, где уже сидели мужчина и женщина, лениво закинув ноги на свободное сиденье напротив. Кей секунду поколебалась, потом спросила:

– Ничего, если я тут сяду?

Женщина дернула головой так, будто ее не простейшим вопросом побеспокоили, а укололи иголкой. Тем не менее она выдавила улыбку.

– Вольному воля, чего и не сесть, милочка, – сказала она, сбросила ноги с сиденья и со странным безразличием убрала ноги мужчины, который смотрел в окно и даже не оглянулся на Кей.

Кей поблагодарила женщину, сняла плащ, села, устроилась – гитара и сумочка под боком, журналы на коленях: вполне удобно, хотя подушка под спину не помешала бы.

Вагон качнуло; в окна шикнул пар. Поплыли медленно тусклые огни полустанка и стерлись.

– Надо же, дыра-то какая, – сказала женщина. – Ни города, ничего.

Кей сказала:

– До города всего несколько миль.

– Во как? Тутошняя, стало быть?

– Нет.

Кей объяснила, что ездил на похороны дяди. Который, хоть она, конечно, умолчала об этом, не оставил ей по завещанию ничего, кроме зеленой гитары. И куда ж она теперь? Ох, да обратно в колледж.

Взвесив это сообщение, женщина заключила:

– И на кого там учат, в месте таком? Скажу тебе, милоч, сама я страсть какая ученая, а в колледж пока не заглядывала.

– Вот как? – вежливо бормотнула Кей и, заканчивая разговор, открыла журнал.

Свет был тусклый для чтения, ни один рассказ не соблазнял. Однако, не желая участвовать в этом словесном марафоне, она так и сидела, тупо уставясь в страницу, пока ее легонько не стукнули по коленке.

– Начитаешься еще, – сказала женщина. – Мне поговорить бы с кем. С *ним* не больно поговоришься. – Она ткнула большим пальцем в молчащего мужчину. – Убогий он: глухонемой, поняла?

Кей сложила журнал и посмотрела на женщину; можно сказать, в первый раз на нее посмотрела. Низенькая; ноги еле достают до пола. И, как у всех низкорослых, было нарушение пропорций, в данном случае – большущая, просто огромная голова. Вислые мясистые щеки так сверкали румянами, что возраст не угадаешь: может быть, лет пятьдесят, пятьдесят пять.

Бесмысленные большие глаза косили, будто уклонялись от увиденного. Волосы, рыжие, явно крашенные, завиты толстыми вялыми колбасками. Когда-то элегантная, внушительных размеров лиловая шляпа неприкаянно съехала набекрень, и она все отбивала рукой никнувшую с полей гроздь целлулоидных вишен. Голубое платье было жалкое и потрепанное. И – очень заметно и сладко – от нее веяло джином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.